

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Игорь Москвин «Смерть обывателям»

или
Топорная работа

«КРЫЛОВ»

Исторический детектив (Крылов)

Игорь Москвин

**Смерть обывателям,
или Топорная работа**

«Крылов»

2021

УДК 82-31
ББК 84(2)6

Москвин И. В.

Смерть обывателям, или Топорная работа / И. В. Москвин —
«Крылов», 2021 — (Исторический детектив (Крылов))

ISBN 978-5-4226-0379-4

Начало XX века. Санкт-Петербург. В одном из тихих обывательских кварталов происходят убийства. Неизвестный душегуб принялся убивать топором целые семьи. Преступления страшные, но с первого взгляда незамысловатые и не сулящие долгого расследования. Тем более за дело берется начальник сыскной полиции Владимир Гаврилович Филиппов и его бригада опытных расследователей. Однако уже с первых шагов дознание обнаруживает некоторые странности в картине преступления. Кто этот безумный маньяк? Один ли это человек? Какие на самом деле у него мотивы убивать безобидных граждан особо жестоким образом? Странностей и сложностей в деле становится всё больше, расследование уводит сыщиков далеко за пределы Санкт-Петербурга, вплоть до самой Финляндии. Нити сплетаются в тугой клубок, распутать который под силу только начальнику сыскной полиции Филиппову и его подручным.

УДК 82-31

ББК 84(2)6

ISBN 978-5-4226-0379-4

© Москвин И. В., 2021

© Крылов, 2021

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	33
Глава 11	37
Глава 12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Игорь Москвин

Смерть обывателям, или Топорная работа

© Москвин И., 2021

© ИК «Крылов», 2021

Глава 1

Тёплая густая кровь большими тёмно-рубиновыми каплями, а потом тоненькой струйкой потекла на руки. Страх оледенил тело, и Катерина застыла, не в силах сдвинуться с места. Сердце билось о рёбра, словно пытаясь выскочить из груди, голова стала такой тяжёлой, что зрение заволокло туманной дымкой. Женщина резко открыла глаза и проснулась. Вначале не могла понять, где находится, но потом дрожащей рукой провела по лицу, и от души отлегло. Это был только сон. Тем не менее страх не покидал.

Маленький огонёк, пляшущий в лампадке, освещал образ Спасителя, взирающего из серебряного оклада иконы.

Волнение не проходило. Катерина осенила себя крестным знаменем и едва слышно прошептала:

– Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя яко на небеси и на земли.

Катерина не могла понять своего беспокойства. Племянница спала, подложив ладонь под щеку. Хозяйская дочка лежала, сбросив с себя тонкое одеяло, и тихонько посапывала. Всё как всегда. Но что-то было не так.

Квартира, в которой проживала Катерина, была небольшой и фактически состояла из разделённой невысокой перегородкой залы в два окна и коридора со стеклянной дверью. За перегородкой и спала женщина.

Она накинула на плечи платок и на цыпочках вышла в залу. Сундук, всегда запёртый на висячий замок, испугал её чёрным распахнутым зевом. Катерина ойкнула и прикрыла рот рукой. Не хватило смелости посмотреть на кровать Моисея Андреевича и Авдотьи Ивановны – что-то остановило. Схватила рукой за сердце и побежала на первый этаж, где располагались трактир и постоянный двор, которыми управлял зять хозяина. Вбежала в комнату. Только потом поняла, что не постучала. Вначале остановилась в нерешительности, но пересилила страх и с жаром зашептала:

– Михаил Семёныч, там...

– Что? А? Кто? – спросонья пробормотал ещё не отошедший от забытья управляющий. – Кто тут?

– Это я, Катерина, – прошептала женщина, не смея заговорить громче.

– Что тебе? – Михаил Семёнович спустил ноги с кровати и провёл рукой по лицу.

– Там... – кухарка махнула рукой в сторону и умолкла.

– Да постой. – Старший приказчик пошарил по столу рукой, нащупал спички.

В его руке затрепетал огонёк, осветив вокруг чёрные, ещё более сгустившиеся тени, и поплыл к лампе, которая, зашипев, вспыхнула. Михаил Семёнович подкрутил фитиль и накрыл его стеклянным колпаком. Затем сощурил глаза, кивнул:

– Ну, что тебе?

– Там, – женщина опять махнула рукой и нервно запахнула на груди платок.

– Ты толком говори, что там? – В голосе управляющего послышались нотки заинтересованности и настороженности, но не было ни грамма обычной злости.

– Я от шума проснулась, – кухарка не стала рассказывать о жутком сневидении, – вышла в залу, а там... – Она опять закрыла рот рукой.

Управляющий пошарил ногами, нащупал сапоги.

– Пошли. – Он поднял лампу, поняв, что от женщины ничего толком добиться не удастся.

Деревянный пол при каждом шаге поскрипывал. Верхняя ступенька лестницы натужно хрустнула в ночной тишине. Дверь со вставленным стеклом была приоткрыта. Управляющий потянул её на себя. Раздался железный скрежет.

«Надо бы смазать», – отметил про себя Михаил Семёнович, ступив вперед, но тут же отпрянул, едва не сбив с ног идущую следом Катерину.

– Свят, свят, свят, – быстро, с придыханием прошептал старший приказчик, правой рукой осеняя себя крестным знамением, а левой продолжая держать лампу, которая плясала, словно танцующий прихожанин у статуи святого Витта. Потом повернул голову и гаркнул звериным рыком: – Живо за полицейскими! Живо, мать твою!..

За стеной заплакал испугавшийся крика ребёнка.

Михаил Семёнович заглянул в комнату, но не стал заходить. Поморщился, словно от зубной боли, и, скользя спиной по косяку, опустился на пол.

Через несколько часов и на лестнице, и в комнатах на первом этаже было не протолкнуться от полицейских.

Первым прибыл пристав Охтинского участка Выборгской части статский советник Васильев, грузный господин лет шестидесяти. Фуражку он снял ещё на улице. Сверкая лысиной и тяжело вздыхая, начал подниматься на второй этаж. Остановился на площадке, далее пройти не посмел. С детских лет боялся вида крови. Городовой вытянулся во фронт, взяв под козырёк. Открыл рот для приветствия. Дмитрий Дмитриевич скривился и махнул рукой: мол, тише.

– Кто там? – спросил он, казалось, в пустоту.

– Никого, ваше высокородие.

– Господи, – пристав покачал головой и с удивлением спросил: – Никто ещё не прибыл? А за всеми послали?

– Так точно.

Подождав с минуту, статский советник спустился вниз, в чайную.

Вслед за Васильевым прибыли исполняющий должность прокурора господин Таганцев и судебный следователь Ридигер. Если первый был лет сорока с небольшим, высоким и худым, с гримасой на лице, словно страдал от зубной боли, то второй – невысокого роста крепышом, с широкой грудью и не сходящей с губ улыбкой на помятом лице.

Они поприветствовали друг друга кивками и рукопожатиями.

– Отчего здесь стоите? – поинтересовался судебный следователь.

Васильев пожевал ус и скривился.

– Пусть сперва доктор осмотрит тела, ну и, само собой разумеется, сыскная полиция.

– В прошлый раз... – начал Сергей Иосифович Таганцев, но сразу же умолк, бросив украдкой взгляд на пристава. Последний был вызван на место преступления и так там наследил, что затоптал отпечатки обуви преступника, передвинул предметы с одного места на другое, отчего невозможно стало в конечном итоге понять, что произошло.

– Я помню, – тихо произнес судебный следователь и громко добавил: – А что, сыскную тоже пригласили?

– А как же! Убийства – это их хлеб, – исполняющий должность прокурора с усмешкой смотрел на Васильева. – Я слышал, что господин Филиппов довольно успешно ранее вёл дознания.

– Где? – подал голос раздраженный пристав. – В Управлении градоначальника?

– Ну...

– Вот именно, что «ну». Опыта у вашего Филиппова ни на грош, – прошипел раздосадованный пристав. Хотя некоторая польза всё-таки присутствовала: если преступник не будет обнаружен, то ответственность перед директором Департамента полиции действительным статским советником Лопухиным придётся начальнику сыскной полиции. И не важно, что Владимир Гаврилович назначен исполнять должность всего три месяца тому назад, на этот счет поблажек нет никому, тем более что всего через две недели состоятся торжества по случаю двухсотлетия основания столицы.

– Говорят, – Ридигер смотрел на Васильева, – что, будучи прокурором Радомской губернии, господин Филиппов проявил себя в расследовании нескольких убийств, поимке банды фальшивомонетчиков и...

Пристав поморщился и отвернулся.

С первого этажа донеслось приветствие одного из полицейских новоприбывшему. Послышались быстрые шаги по ступеням.

– Здравствуйте, господа!

Новоиспечённый начальник сыскной полиции не отличался высоким ростом, более напоминал фигурой плотного телосложения циркового борца, имел круглое лицо, на котором выделялись густые усы, а голова его была посажена природой на толстую шею. Его пронизательные глаза, казалось, помечали всё и запоминали все мелочи. Владимир Гаврилович имел опыт расследования, будучи в должности судебного следователя вначале в Оренбургской, затем – в упомянутой Радомской губерниях. Дела через его руки проходили разные – и простые, и сложные, – но в каждом из них Филиппов проявлял не только природную смекалку, но и способность к рассуждению, именуемую логикой.

– Доброе утро, – первым произнес пристав. Голос звучал равнодушно и устало.

– Мы кого-то ждём? – поинтересовался Филиппов.

– Доктора, – ответил Ридигер.

– Вы сегодня один? – Васильев смотрел мимо Филиппова, вроде бы обращаясь к нему, а получалось, задавал вопрос в пустоту.

– Нет, – спокойно ответил Владимир Гаврилович. Ему уже доводилось слышать о неприязни некоторых петербургских приставов, метивших на должность начальника сыскной полиции. – Должны с минуту на минуту появиться чиновники для поручений и доктор.

– Вы вызвали своего?

Филиппов пожал плечами.

– Два мнения лучше, чем одно.

– Ну-ну, – скривил губы в недоброй усмешке Васильев.

Но прежде чем доктора приступили к осмотру тел, в залу вошли чиновники для поручений сыскного отделения: коллежские регистраторы Михаил Александрович Лунащук и Мечислав Николаевич Кунцевич.

– Господа, – обратился к присутствующим начальник сыскной полиции, – вы уже с кем-нибудь беседовали?

– Нет, – язвительно произнёс пристав, – ждали вашего указания.

Филиппов постарался не обращать внимания на колкости Васильева, но щека предательски дрогнула.

– Тогда разрешите мне приступить к исполнению обязанностей, – он наклонил голову и отошёл в сторону.

– Зачем вы так, Дмитрий Дмитриевич? – посмотрел на пристава судебный следователь. – Господину Филиппову предстоит, как мне кажется, нелёгкая неделя. Притом торжества... – И покачал головой.

Васильев ничего не ответил.

Владимир Гаврилович поинтересовался, кто нашёл тела и поднял тревогу. Оказалось, первой почувствовала неладное кухарка, которая спала за перегородкой. Именно она подняла с постели зятя хозяина.

Женщина назвалась Катериной. В руках она теребила угол платка и периодически вытирала слёзы, текущие по щекам.

– Мне, – заговорила она, – ночью сон страшный приснился. Вот я и пробудилась со страху, мокрая от пота. Вставать не хотела, но кто-то будто под руку толкнул. Накинула на плечи платок и в залу вышла. А там сундук открытый...

- Открытый? А что в том такого? – спросил Владимир Гаврилович.
- Так в том и дело, что он всегда на замок заперт был, а тут... Так я сразу за Михал Семенычем побежала...
- Почему за ним, а к хозяевам не стала подходить? – удивился Филиппов.
- Так сама не знаю, – покачала головой Катерина.
- Значит, ты ничего подозрительного не слышала?
- Нет, говорю ж, проснулась от крови...
- Крови?
- Ой, господи, страху я натерпелась! Во сне мне кровь привиделась, на руки, на платье течёт, паром исходит. – Женщина закрыла платком рот, голова её дёрнулась, словно сейчас с ней происходило то же, что случилось ночью.
- Было темно? – Начальник сыскной полиции внимательно смотрел на кухарку. Та явно не понимала вопроса. – Ночью темно. Как ты рассмотрела, что сундук вскрыт?
- Катерина недоуменно посмотрела на Филиппова и пояснила:
- Сейчас же светлые ночи.
- Стало быть, ты увидела открытый сундук и побежала за Михаилом Семёновичем?
- Так и было.
- Ты вчера ничего подозрительного не видела?
- Я же целый день на кухне, да и народу у нас, что ни день, то толпами ходят. Извините, ведь каждого не почтишь вниманием, да и не запомнишь.
- Тоже верно. Скажи, как относился хозяин к зятю?
- Женщина пожала плечами и позволила себе улыбнуться.
- Как к зятю.
- Плохо, что ли?
- Почему же? Когда Мария при родах померла...
- Мария?
- Ну, да. Дочь Моисея Андреича, – Катерина смахнула со щеки слезу. – Вот когда она померла, так отношение хозяин переменял. Ведь единственная дочка была. Ан вон как вышло.
- Когда Мария умерла?
- Четыре... да, четыре года тому.
- Значит, раньше отношения были не очень хорошие?
- Были, – женщина покачала головой. – А как бы вы отнеслись, ежели единственная кровиночка вышла замуж за голодранца?
- Филиппов молчал.
- Своевольная она была.
- Стало быть, потом отношения наладились?
- Моисей Андреич во внучке души не чаял, вот и зятя к себе приблизил. Не раз говорил, что есть теперь, кому дело оставить.

Племянница Катерины, девица пятнадцати лет с развитой грудью, смазливый личиком и толстой косой до пояса, ничего нового добавить не смогла. Крепко спала и не слышала подозрительного шума. Её разбудил зять хозяина.

Михаил Семёнович сидел на скамье, облокотившись на столешницу. Перед ним стоял прямоугольный полуштоф зелёного стекла и налитая до краёв медная чарка с узорами по бокам. Старший приказчик поднял на начальника сыскной полиции серые глаза с чёрными как смоль зрачками. Широкие плечи опустились, на лице под густой бородой заиграли желваки.

– Такие вот дела, – произнёс Михаил Семёнович и в один глоток выпил содержимое чарки. Поднёс к носу рукав и тяжело вздохнул. – Был человек, ходил по земле, планы строил,

улыбался, хотел новый дом заложить, внучку воспитать. А тут пришёл другой... изувер и жизнь походя забрал. Просто так, ни за понюшку табаку.

Зять потянулся за штофом, но Владимир Гаврилович опустил руку на его плечо.

– Пока не стоит. Этим вы им, к сожалению, не поможете.

Старший приказчик смахнул руку и зло прошипел:

– Вы, что ль, злодея словите?

– Надеюсь.

– То-то, что надеюсь, – передразнил Михаил Семёнович. Потом спохватился: – Вы уж меня простите, сам не ведаю, что говорю, – и поднялся со скамьи. – Простите, с кем разговариваю?

– Владимир Гаврилович Филиппов, начальник сыскной полиции, – отрекомендовался полицейский чиновник.

– Стало быть, вы будете вести следствие по делу об убийстве моего тестя и его жены?

– Дознание.

– Что?

– Дознание, а не следствие. Полиция ведет дознание, – пояснил Владимир Гаврилович.

– Какая разница? Дознание, следствие... Вы же будете искать убийцу?

– Да, будем.

– Так найдите изверга, пока он ещё чего-нибудь не сотворил! – с жаром произнёс Михаил

Семёнович.

– Скажите, в последнее время чего-нибудь необычного не замечали?

– Необычного? – вместо ответа переспросил зять убитого.

– Подозрительных людей? Не ссорился ли...

– Моисей Андреич, – подсказал Михаил Семёнович.

– Не ссорился ли Моисей Андреевич с кем-либо?

– Ну, люди у нас разные бывают, всё-таки трактир. На кого ни посмотришь, так каждый подозрительный. А ссоры, – усмехнулся старший приказчик, – так пьяных приходится на улицу выставлять, чтоб не буйнили.

– А вчера?

– Да как обычно. Закрылись за час до полуночи. Моисей Андреич поинтересовался, закрыли ли мы трактир. И после ушёл к себе спать.

– В комнате, где спали Андреевы, вскрыли сундук. Что там хранилось?

– Видимо, деньги и украшения Авдотьи Ивановны.

– Вы точно не знаете?

– Отчего же? Тесть... Он стал мне отцом, – старший приказчик смахнул набежавшую слезу. – Так вот, он не слишком доверял банкам всяким и конторам, хранил все имеющиеся деньги в сундуке. Говорил, под бок положишь – целее будут.

– И о какой сумме шла речь?

– Я думаю, тысяч с пятьдесят там было.

– А украшений?

– Вот этого не знаю.

– И не можете описать золотые украшения, которые там были?

– Нет, – покачал головой старший приказчик, – я, простите, не обращал внимания на эти игрушки, – добавил он с какой-то злостью.

– Но там наверняка хранились и украшения вашей жены?

– Не знаю, – сверкнул глазами старший приказчик и отвернулся.

– Скажите, Михаил Семёнович, кто мог знать, что ваш тесть хранит деньги в сундуке?

Тот задумался, наморщил лоб – хотел, видно, что-то сказать, но только пожал плечами.

– Вы же содержите не только трактир, но и постоянный двор?

Михаил Семёнович кивнул.

– Сколько вчера остановилось у вас жильцов?

– Как обычно.

– Так сколько человек?

– Тринадцать.

– Значит, ничего подозрительного в последние дни не происходило?

– Говорю же вам, всё как обычно.

– И вам Моисей Андреевич ни о каких своих тревогах не говорил?

– Нет, – старший приказчик покачал головой.

Прежде чем подняться на второй этаж, Филиппов обратился к Катерине.

– Ты не припомнишь, какие украшения были у хозяйки? Наверное, не раз видела, когда Авдотья Ивановна их надевала?

– Отчего же? Помню. Брошь с красным большим камнем... – начала перечислять кухарка.

– Благодарю, – сказал Владимир Гаврилович, – позже придёт чиновник для поручений и всё запишет.

Поднявшись на второй этаж, Филиппов не застал ни судебного следователя, ни пристава, ни исполняющего должность прокурора – они спустились в трактир, чтобы угоститься горячим чаем. Но, будучи на первом этаже, Владимир Гаврилович не видел, чтобы государственные мужи находились в просторной зале заведения.

– Чем порадует медицина? – спросил начальник сыскной полиции у старшего врача врачебно-полицейского управления Петра Назаровича Стеценко.

Статский советник достал из кармана бархотку, снял очки и начал протирать стёкла.

– Обрадовать, говорите, – в тон Филиппову произнёс врач. – Я не понимаю, как это возможно. Комната не очень большая, – он указал рукой, – кровать, диван, шкаф и сундук.

– Вижу. И что?

– Диван стоит ближе к выходу, у самой двери. На нём спала женщина, мужчина – у окна на кровати. Так вот, женщина была убита первой...

– Вы хотите сказать, что убийца перелез через хозяина, занялся его женой, а потом...

– Ну, выводы делать вам. Но посудите сами: женщине нанесены две колотые раны. Я не готов с уверенностью сказать, каким оружием убиты ваши горожане. Но... скорее всего, топором или чем-то похожим. Лезвие широкое и острое.

– Неужели вы смогли установить точное время убийства?

– Нет, обычная логика. Первый удар, нанесенный хозяйке, стал смертельным. Лицо у нее совершенно спокойное. А вот мужчина... Моисей Андреевич лежит на постели. Голова его глубоко вдавлена в подушку. Причём лицо так обезображено и окровавлено, что представляет собой бесформенную массу. На голове две глубокие раны. Всё лицо и грудь были в крови. Кровь даже просочилась сквозь подушку, тюфяк и скопилась под кроватью на полу в виде значительной лужи. Положение тела беспокойное, будто хозяин старался перед смертью встать. Одна нога спущена с кровати. Поэтому я и делаю такой вывод.

– Но тогда, – Филиппов указал на окно, находящееся над кроватью хозяина, – преступник должен был открыть окно, перелезть через мужчину, убить хозяйку и только потом вернуться к Моисею Андреевичу.

– Простите, Владимир Гаврилович, дознание по вашей части. Я же только указываю, как были умерщвлены хозяева. – Стеценко пожал плечами, потом добавил: – Но мне кажется, что я прав.

– Пётр Назарович, я не оспариваю ваших знаний. Просто в связи с вашими же словами возникло некоторое... – Филиппов умолк.

– Так что возникло? – спросил нетерпеливо врач.

– Нет, это я так... – Владимир Гаврилович, прищурившись, смотрел в стену. – Одна безделица... Так вы говорите, женщина умерла от первого удара, а мужчина...

– В том-то и дело, что он мог позвать помощи или застонать от боли.

– А за стенкой, – начальник сыскной полиции жестом указал на тонкую перегородку, не достающую даже до потолка, – никто ничего не слышал. – Филиппов на миг застыл, потом, словно очнувшись ото сна, произнёс: – Странно.

– Что вы сказали?

– Это я так, о своём.

– Я полагаю, тела можно везти на вскрытие? – в голосе врача слышался то ли вопрос, то ли утверждение.

– Да-да, – ответил Филиппов, – сейчас распоряжусь.

Владимир Гаврилович прошёл коридором и остановился на пороге комнаты, разделённой не достигающей до потолка перегородкой на две неравные части. В большей стояла кровать, на которой навечно упокоился Моисей Андреевич. В луже крови мокло одеяло, небрежно откинутое в сторону и свисавшее чужеродным предметом с ложа смерти. Дверцы шкафа и комода, сиротливо притулившихся у перегородки, были закрыты. Только открытой тёмной пастью беззубо улыбался у противоположной стены сундук; рядом с которым валялись в беспорядке какие-то вещи. Ближе всего стоял диван с телом хозяйки.

Начальник сыскной полиции прошёлся по комнате, остановился у одного из окон. Крыша пристройки находилась на аршин ниже, так что преступник мог без особого труда пробраться в комнату убитых.

Владимир Гаврилович вопросительно посмотрел на Кунцевича, чиновника для поручений. Тот понял невысказанный вопрос и покачал головой.

– Нет, мы тоже так думали, но пока никаких следов не обнаружено.

– Неужели убийца проник в дом другим способом?

– Владимир Гаврилович, затрудняюсь сказать. Всё, конечно, указывает на то, что убийцы, – Мечислав Николаевич выделил последнее слово, – проникли в дом через открытое кухонное окно первого этажа, но...

– Есть сомнения?

– Определённые есть.

– И какие?

– Разрешите их высказать позже? Хочу кое-что уточнить.

– Хорошо. Орудие убийства не обнаружили?

Кунцевич отрицательно покачал головой.

Филиппов спустился на первый этаж и поинтересовался у пристава, отправлял ли тот полицейских для опроса соседей: может быть, кто-то видел что-либо подозрительное или незнакомых людей.

– Только собирался. – Дмитрий Дмитриевич отвернулся.

– Не сочтите за труд распорядиться. – Владимир Гаврилович скорее догадывался об отношении к нему приставу, нежели знал точно. Поэтому улыбнулся сквозь густые усы и подсластил просьбу: – Ваши люди хорошо знают соседей и сумеют их разговорить.

– А ваши не смогут?

– Смогут, но вашим это будет сделать сподручнее. Повторюсь: ваши люди лучше знают околотов, в котором несут службу.

Орудие убийства так и не нашли. Обыскали прилегающие к дому хозяйственные пристройки и сарай. Даже в дровянике не оказалось топора. Зять убитого и работники трактира

утверждали, что несколько дней назад видели его висящим на стене, когда брали поленья на растопку кухонной печи. А теперь как корова языком слизала. Создавалось впечатление, что убийца или убийцы забрали его с собой. Но с какой целью? Понятно, что могли бы унести более ценные вещи. Но топор? Это казалось довольно странным.

Более никаких следов обнаружено не было.

Два трупа, застывшая кровь, вскрытый сундук – и больше ничего.

Глава 2

Вечером в кабинете Филиппова подвели итоги первого дня дознания.

Владимир Гаврилович сидел за столом, спиной ощущая деревянную спинку неудобного стула. Казалось, кол вставили в позвоночник. Напротив, по другую сторону стола, занимали такие же стулья чиновники для поручений – Кунцевич и Лунашук.

– Итак, господа, что мы имеем?

Первым начал, как старший по возрасту, Мечислав Николаевич. Но прежде чем начать говорить, он поднялся и положил на стол лист бумаги.

– Я здесь изобразил залу, в которой произошло убийство. Это окна, – указал он кончиком карандаша, – здесь перегородка, отделяющая угол, где проживает прислуга. Здесь кровать, диван, сундук. (Начальник сыскной полиции и второй чиновник для поручений внимательно слушали Кунцевича.) Дверь в залу закрывается изнутри на крючок, одно из окон было открыто...

– Не убийцами ли? – перебил Филиппов.

– Нет, – покачал головой Мечислав Николаевич, – сейчас стоят на удивление тёплые душевные ночи, поэтому окна могли быть открыты хозяевами, да это и племянница кухарки подтверждает.

– А сама кухарка?

– Та говорит, что не припоминает, хотя при разговоре добавила, что спать было душно.

– Значит, слова племянницы против тётиных. А вы склоняетесь к какому мнению?

– Больше доверие имею к кухарке. Я проверил крышу, там не нашёл ни следа, ни царпин, свидетельствующих о том, что кто-то влез в комнату через окно. Зато следов в избытке на кухне и на лестнице.

– Кто-то имел желание пустить нас по ложному следу? – подхватил мысль чиновника для поручений Филиппов.

– Именно так. Теперь второй аспект дела. Вскрыт сундук, взяты деньги и драгоценности, хранимые там, – продолжил Мечислав Николаевич, – а ценные вещи в шкафу не тронуты.

– Вы хотите сказать, что убийца знал, где искать?

– Да, – кивнул в знак согласия Кунцевич.

– Стало быть, в деле может быть замешан кто-то из родственников...

– Или людей, близких к хозяину? – Лунашук смотрел то на Мечислава Николаевича, то на непосредственного начальника.

– Вот в этом направлении надо искать, – задумчиво произнёс Филиппов, потом посмотрел по очереди на сотрудников. – Что выяснили о зяте убитого?

– О Михаиле Семёновиче?

– Да, о нём.

– Михаил Семёнович Висковитов, двадцати восьми лет, из крестьян Тверской губернии. В столицу приехал шесть лет тому, сразу же поступил приказчиком к Андрееву, тот тоже родом из Тверской и поэтому питал особую слабость к землякам. Всегда помогал – если не деньгами, то способствовал устройству на хорошее место. А Висковитов оказался вообще земляком не только по губернии, но и по селу, из которого родом был Моисей Андреевич. Что произошло далее, выяснить не удалось, но через год приезжий стал зятем хозяина. Отношения между ними испортились, но стали лучше после смерти Марии, когда она умерла родами. Тогда же Моисей Андреевич составил духовное завещание, где всё имущество и деньги отписал внучке, а душеприказчиком при ней оставил своего зятя. Это пока всё, что удалось узнать, – закончил Лунашук.

Владимир Гаврилович сузил до щёлочек глаза и смотрел куда-то поперёк голов чиновников.

– Вот что, господа... Соберите по этому Висковитову все сведения. Нет ли любовницы, долгов или иных страстишек?

– Вы думаете, что... – начал Кунцевич.

– Нет, – поморщился Филиппов, – нам надо проверить Михаила Семёновича, чтобы вычеркнуть эту линию из дознания, ведь обычно мотив убийства – деньги, а здесь наследство.

– Позвольте заняться зятем мне, – предложил Кунцевич.

Филиппов с улыбкой посмотрел на Михаила Александровича.

– Ну что, позволим?

Лунашук не всегда понимал шутливые выражения, но здесь согласился с серьёзным видом.

– Почему бы и нет? Но в таком случае чем заниматься мне?

– Михаил Александрович, – тяжело вздохнул Владимир Гаврилович, – за вами внештатные агенты. В вашу задачу входит выяснить, не появились ли в городе залётные, работающие по наводкам.

– Хорошо, – кивнул Лунашук, – но не вижу в моих расспросах толку, ведь чтобы поручить такое дело, надо знать залётных. Указать точно, где лежат деньги, драгоценности. Здесь наводчиком может быть кто-то из домашних или прислуга.

– Вы правы, но всё-таки поройте там. А вы, Мечислав Николаевич, чтобы не спугнуть домашних и работников, выясните, кто мог знать, где хранил свои деньги и драгоценности Моисей Андреевич. Вам понятно?

Кунцевич только кивнул в ответ.

– Тогда, господа, не смею вас задерживать. Жду завтра вечером с докладами.

Когда полицейские покинули кабинет, Владимир Гаврилович ещё долго сидел в одиночестве. Мысли приходили разные. Филиппов вспоминал и свою жизнь, но ни разу не пожалел о том, что покинул сытую беззаботную службу в канцелярии градоначальника. С детства, начитавшись романов о благородстве и чести, будущий начальник сыскной полиции решил, что будет искать и наказывать преступников. Сейчас настало сложное время. Через несколько недель начнутся торжества, посвящённые юбилею – два века назад был основан на берегах Невы город Святого Петра. И вот накануне праздника такие дикие преступления. Теперь в каждом ретивые головы выискивают действия недавно появившейся Боевой организации партии социалистов-революционеров. Что, мол, пытаются у населения вызвать страх, что, мол, не могут власти навести надлежащий порядок. И начинают путать обычную уголовку с политикой.

Филиппов тяжело вздохнул и направился в отведённую ему здесь же, при Казанской части, казённую квартиру.

Глава 3

Утром, когда майское солнце только показалось на горизонте, Владимира Гавриловича разбудила жена, Вера.

– Владимир, к тебе там явились, – сказала она не совсем довольным голосом. В минуты раздражения жена называла его полным именем.

– А?.. Что?.. – произнёс со сна Филиппов, хотя всегда просыпался быстро, как солдат при побудке.

– Там дежурный чиновник говорит, что телефонировал какой-то Васильев.

– Дмитрий Дмитриевич?

– Не знаю, пристав, что ли? Тебе чаю согреть?

– Какой чай... – пробурчал начальник сыскной полиции.

Через полчаса Владимир Гаврилович входил в Охтинский участок. Его незамедлительно провели к статскому советнику Васильеву.

Когда начальник сыскной полиции появился на пороге кабинета, пристав поднялся из-за стола и, протягивая руки, пошёл навстречу.

– Владимир Гаврилович, – Дмитрий Дмитриевич тряс ладонь начальнику сыскной полиции и беспрестанно повторял: – Владимир Гаврилович, как я рад, что вы пришли, Владимир Гаврилович. Я, конечно, не рад причине вашего визита, но рад, что вы сразу откликнулись, Владимир Гаврилович!

– Я к вашим услугам, – ответил Филиппов. По его лицу невозможно было понять, что он чувствует в эту минуту.

– Да, да, об этом потом, – смутился Васильев, – а впрочем, – он махнул рукой. – Что скрывать? Я всё равно обязан доложить о случившемся.

– Что же всё-таки стряслось? И почему такая спешка?

– Да что там... – вначале отмахнулся пристав, потом тяжело задышал и снова махнул рукой. – Я же ничего не скрываю. Вот Андреевых в моей части убили. Вот и... впрочем, о чём я? Ах да! Вы представляете, в моей части новое убийство. Пусть бы перепились да друг друга порезали. Ан нет...

– Да что стряслось, Дмитрий Дмитриевич? Поконкретнее.

– Семью Анциферовых топором... и взрослых, и даже детей.

– Ещё одно убийство? – Казалось, начальник сыскной полиции не был удивлен.

– А я о чём толкую, любезный Владимир Гаврилович? Я ж об этом клятвом убийстве, да не об одном, а сразу о пяти... – Пристав к концу речи задохнулся, словно из него выпустили весь воздух. Он взялся правой рукой за грудь, и хорошо, что позади него оказался стул, иначе пристав растянулся бы на полу. А так в бессилии опустился и замер, бормоча под нос: – Тридцать пять лет беспорочной службы, тридцать пять лет... Ни одного замечания, а тут такой подарок перед торжествами!.. Господи, за что мне это всё? Господи... – И покачал головой.

– Дмитрий Дмитриевич, да расскажите вы всё по порядку. – Филиппов положил руку на плечо приставу. Васильев продолжал что-то бормотать. – Дмитрий Дмитриевич, вы меня слышите?

Пристав всхлипнул и взял себя в руки. Несколько раз тяжело вздохнул, поднялся с места и расправил плечи.

– Вчера, как вы и просили, мои люди начали обход близлежащих от трактира Андреева домов. Как я и предполагал, никто ничего не видел. Видите ли, ночью люди спят, а не болтаются по улицам, простите... – Дмитрий Дмитриевич сказал последнее слово тише и исподлобья посмотрел на начальника сыскной полиции. – Так вот, никто ничего не видел и ничего

подозрительного не слышал. Но один из домов оказался закрытым, и самое удивительное, что соседи не видели живших там обывателей то ли день, то ли два. Особого подозрения их отсутствии не вызвало. Околоточный решил зайти позже, вот и зашёл под самую ночь. Опять же из дома ни звука, мёртвая тишина. Я бы сказал, зловещая. – Пристав опять тяжело задышал. – Соседей об отъезде они не предупреждали, хотя ранее всегда ставили в известность. Мало ли что, за домом присмотреть или ещё что. Ведь гулящего люду у нас хватает. Так и норуют в пустой дом за поживой залезть. Уж лучше бы кто залез, – добавил он, негодуя то ли на вороватый люд, то ли на околоточного. – Так вот, кликнул околоточный городского и соседей, открыли дверь, а там пять трупов. Вот такие дела!

– Дмитрий Дмитриевич, почему раньше меня не позвали? – спросил Филиппов.

Пристав только отмахнулся и ничего в ответ не сказал.

– Хорошо. Разрешите с вашего аппарата телефонировать в сыскное отделение?

– Будьте любезны.

– Вы вызвали частного врача?

Пристав отрицательно покачал головой.

– Тогда я телефонировую господину Стеценко.

– Вызывайте.

После проведённых разговоров Филиппов провёл большим пальцем по усам.

– Дмитрий Дмитриевич, могу я услышать околоточного, обнаружившего тела?

– Сейчас вызову.

Околоточный, детина саженого роста, с прищуренными глазами и большим носом, вытянулся во фронт, как только ступил в кабинет пристава.

– Ваше... – начал было он зычным голосом, но, увидев, что Дмитрий Дмитриевич поморщился, стушевался и умолк на полуслове.

– Как тебя зовут? – спросил Филиппов.

– Околоточный надзиратель Кутышкин...

– Твоё имя? – перебил полицейского начальник сыскной полиции.

– Василием родители назвали.

– Вот что, Василий, ты мне расскажи, как убиенных обнаружил.

Околоточный взглянул на пристава. Тот кивнул – мол, поведай без утайки.

Полицейский несколько раз кашлянул.

– Так, – начал он, но снова вытянулся во фронт, – господин Васильев нам приказали обойти дома, находящиеся по соседству с трактиром Моисея Андреевича, – с уважением произнёс имя убитого околоточный. – Так я сразу же и занялся. Обошёл всех, но никто ничего подозрительного не видел. Хотя мы на отшибе находимся, и баловство всякое у нас бывает, но спокойствия больше...

– Ты о деле, – перебил подчинённого пристав и грозно нахмурился.

Полицейский вначале смутился, но потом продолжил:

– Решил я дома в конце улицы проверить. Не знаю, словно под руку кто толкнул, – околоточный осёкся и исподлобья посмотрел на Васильева, негодуя за свою словоохотливость. – Постучался к Анциферовым, а там тишина. Сперва я ничего не заподозрил. Мало ли куда могли семейством поехать. Ну, я дальше с проверкою пошёл по соседям. Вот они мне и сказали, что уже дня два-три никого в доме не видели. А Иона Фёдорович, так хозяина зовут, всегда загодя предупреждал, если куда отлучался. Да и кухарка при них жила, она точно дома должна была быть. Вот тут-то меня и осенило...

– Осенило его... – вполголоса пробурчал пристав.

– Где это они могут быть, думаю про себя, зайду позже. Всякое бывает. Вот под вечер и зашёл. Опять же, ни огонька в доме, тишина. Подозрительно мне стало. Я послал городского за понятиями. Понимаю, что не след вот так в дома врывать. Когда Иванов, это городской, с

двумя соседями пришёл, вот тогда я приказал дверь взломать. Первым вошёл я с проверкой, а как хозяев убитых увидел, то городских поставил у парадных дверей и у чёрного входа, чтобы никто не смог на место убийства попасть, а сам бросился к господину приставу.

– Это всё?

– Так точно, ваше превосходительство, – отрапортовал околоточный.

– До превосходительства я ещё не дорос, – в задумчивости сказал Филиппов и потрогал пальцами пышный ус.

– Владимир Гаврилович, – окликнул начальника сыскной полиции Васильев.

– Простите, задумался. Мы можем пройти в дом убиенных или подождём Петра Назаровича?

– Давайте, Владимир Гаврилович, пройдемся с вами.

– Я не против. Только предупредите помощника, пусть господину Стеценко передаст, что мы будем его ждать на месте преступления.

– Непременно. – Пристав снял фуражку с вешалки.

– Вы предпочитаете проехать на экипаже или пройти пешком? – уже на улице поинтересовался Васильев.

– Лучше нам с вами пройти, – сказал Филиппов и добавил: – Тем более вам есть, что мне рассказать. Не так ли, Дмитрий Дмитриевич?

Пристав поначалу смутился, прикусил нижнюю губу.

Несколько метров шли в молчании.

– Как бы вам сказать, Владимир Гаврилович...

– Говорите так, как есть, рассказ дальше вашего покорного слуги не пойдёт.

– Убийство четы Андреевых для меня стало громом среди ясного неба. Впереди торжества, юбилей, а в городе, простите, в приданной моему попечению части вот какие происходят происшествия. Признаюсь, я немного оробел. А вдруг преступники не будут пойманы, ведь это пятно на всю оставшуюся жизнь. Вот вчера с расстройства принял, как говорят военные, лишку на грудь. Когда прибыл ко мне околоточный, я...

– Можете не продолжать, – сказал Филиппов, – винить вам себя не в чем. Город у нас большой, жителей, почитай, почти полтора миллиона. И вы думаете, что все они ангелы белокрылые? Отнюдь. И не черти с хвостами и рогами, а вполне обычные люди. И встречаются между ними не только алчущие до чужого добра, но и убийцы, для которых копейка дороже жизни. Так что, Дмитрий Дмитриевич, преступления происходили, происходят и будут происходить независимо от нашего с вами желания. Но что пока в наших силах, так это всех воров и убийц переловить, а если не получится всех, то хотя бы большую часть.

– Я понимаю, но...

– Дмитрий Дмитриевич, запомните одну вещь: предотвратить преступления мы не в состоянии, а вот поймать и наказать злодеев в наших с вами силах.

– Но как? Как я понимаю, в трактире Андреева и следов-то не осталось? Как же мы душегуба найдём? Как?

– Дайте время, из-под земли отыщем.

До дома Анциферовых шли молча, каждый думал о своём. Филиппов – о скоропалительном обещании разыскать преступника, Васильев – о том, что напишет в докладе полицмейстеру об убийствах, и о возможных наказаниях, которые могут свалиться на его голову.

Поотстав от начальника сыскной полиции и пристава, чтобы не мешать их разговору, в молчании шли околоточный и два городских, оставляя после себя взметённую дорожную пыль.

Солнце начало подниматься, озаряя редко бегущие по небу барашкового вида облачка. Духота ещё не опустилась на землю, но марево над городом начинало сгущаться, давая понять жителям, что их ждёт жаркий день.

– Я надеюсь, – начал Васильев и сразу умолк, заметив, что Филиппов погружён в свои мысли.

– Я вас слушаю, Дмитрий Дмитриевич. Если вы о сегодняшней ночи, то давайте условимся, что ваш околоточный при вчерашней проверке установил, что одна из семей, проживающих на этой улице, отсутствует, вот он и решил с самого утра проверить догадку. Явился к дому и там, при вскрытии дверей, обнаружил убиенных людей. Сразу же оповестил вас и вашего помощника. Вы же сразу связались со мною. – И с улыбкой добавил: – И наше колесо правосудия завертелось.

– Всё верно, так и было, – облегчённо сказал пристав.

Пётр Назарович Стеценко не заставил себя долго ждать. Прибыл в экипаже, степенно сошёл со ступеньки и неторопливым шагом приблизился к стоящим у дверей дома начальнику сысской полиции и приставу. Поприветствовал обоих.

– Не прошло и дня, – подлил доктор масла в огонь, – как снова встречаемся прежним составом по столь же неприятному происшествию.

– Происшествие в самом деле неприятное, – лицо Васильева выражало крайнюю степень озабоченности. – Вчера чету Андреевых...

– Убили, – подсказал Стеценко.

– Да, простите, убили, а сегодня целую семью – родителей, кухарку и двоих детей пяти и восьми лет. Вот так-то, – пристав удручённо посмотрел на доктора.

– Конечно, неприятность... для нас, господа, а вот убиенные отмучались. Как ни цинично это звучит, – сказал Пётр Назарович. – Что ж мы стоим? Время-то идёт.

Дом возвышался хмурой громадой. Мрачности ему добавлял первый этаж, сложенный из камней и смотревший на улицу тёмными неприветливыми окнами. Второй этаж взгромоздился на каменный постамент крашенными в коричневый цвет одинакового размера брёвнами.

Около входа стоял полицейский. При приближении начальства он вытянулся во фронт.

Васильев подозвал околоточного.

– Показывай, голубчик, что ты увидел в доме.

– Да я... – полицейский умолк. Затем нерешительным шагом подошёл к двери и потянул за ручку. Раздался пронзительный скрип, от которого у доктора заныло под ложечкой. Он перехватил саквояж левой рукой, а правой потёр грудь напротив сердца. Стало вдвойне неприятно, и Пётр Назарович поморщился.

Владимир Гаврилович отстранил тростью околоточного и первым вошёл в дом, по пути обернувшись:

– Господа, будьте любезны подождать меня на улице.

Пристав не вытерпел и пробормотал:

– Только дай некоторым покомандовать. – Прежний разговор с начальником сысской полиции канул в Лету. Усмирившийся характер всегда найдёт точку выхода.

Глава 4

Владимир Гаврилович вначале прошёлся по первому этажу, закрыв нос платком. Стояли жаркие дни, и трупы начали источать запах. Ещё не такой острый, чтобы от него жгло глаза, но достаточный, чтобы затруднить дыхание.

На кухне следов разгрома не наблюдалось. Были открыты дверцы нескольких шкафов, на большом столе стояли две порожние бутылки – то ли из-под наливки, то ли из-под водки – и три стакана, здесь же лежали куски хлеба, оторванные от ковриги, и ломти холодного мяса.

Рядом с кухней находилась небольшая комната, в которой слева от входа в стену были вбиты несколько крючков, на них висела одежда. Стояли две табуретки: одна большая – справа от двери, вторая поменьше – рядом с кроватью, на которой лицом к стене лежала женщина. Безжизненная рука вытянулась поверх простыни, голова, расколота одним ударом, была вдавлена в подушку. В гуще почерневшей засохшей крови виднелись белые осколки кости.

Филиппов подошёл ближе, склонился над трупом. Потом обернулся и окинул взглядом комнату – сажень на полторы. Окон не было, утренний свет падал в настежь открытую дверь. Казалось, что здесь, как и в кухне, всё покоилось на своих местах. Убийца ничего не искал, да, видимо, и нечем было поживиться.

Владимир Гаврилович покинул комнату. Налево расположилась кухня, направо коридор упирался в лестницу, ведущую на второй этаж, рядом с ней – распахнутая дверь. Там угадывалась гостиная. Филиппов прошел в неё. Ящики в шкафах открыты, вещи разбросаны по комнате.

По лестнице, на которой протяжно скрипнула ступенька, Филиппов поднялся на второй этаж, стараясь ступать аккуратнее, чтобы не оставить лишних следов.

Коридор заканчивался окном, выходящим в противоположную от улицы сторону. Сквозь стекло виднелись деревья, покачивающие зелеными ветвями.

Справа и слева по две двери, все настежь открыты. За одной из них находилась спальня хозяев. Женщина с рассечённой головой лежала на полу. Выражения лица не было видно. А вот мужчина, привязанный к стулу, смотрел остекленевшими, полными боли глазами на вошедшего. Металлическая проволока впиалась в руки и ноги, оставив кровавые полосы. Рядом валялись пять отрезанных пальцев. Только сейчас Владимир Гаврилович заметил, что из правой культи натекала небольшая лужица, которая высохла и превратилась в растрескавшиеся тонкие хлопья. Под разорванной ночной рубашкой чернели косые полосы. Шкаф, стоящий с левой стороны, был отодвинут, за ним виднелся тёмный провал. Там находился тайник.

Каждый из детей имел собственную комнату. Дети оказались задушенными подушками. Видимо, не успели понять, что с ними произошло.

Глава 5

Владимир Гаврилович вышел из дома Анциферовых с побледневшим лицом и погасшим взглядом. Набрал в лёгкие свежего воздуха, словно вынырнул из бездонной ямы, наполненной водой. От увиденного по спине пробежали мурашки. Давно Филиппов не испытывал таких чувств, перемешанных, будто в одной корзине, – жалости к незащищенным людям, неподвижно лежащим в доме, и ненависти к убийцам. Ради копеечной выгоды отправили на встречу с Богом пять невинных душ... К горлу подступил ком, когда перед глазами вновь возникла худенькая хрупкая фигурка девочки, так и не понявшей, что никогда больше не проснётся.

– Владимир Гаврилович, – пристав Охтинского участка выпустил папиросный дым изо рта и не стал затягиваться вновь, увидев лицо начальника сыскной полиции. – Владимир Гаврилович, да на вас лица нет.

– Вы там были? – Филиппов указал головой на дом.

– Упаси господь, мне от крови дурно становится, – признался, понизив голос, Васильев.

Пока начальник сыскной полиции был в доме, подъехали чиновники для поручений Лунашук и Кунцевич. Они не стали входить в дом, а решили дожидаться Филиппова и получить от него дальнейшие указания. Вслед за ними прибыл фотограф, чтобы сделать карточки места преступления.

Петр Назарович тоже не стал переступать порог дома, чтобы, не дай бог, не оставить лишних следов.

– Владимир Гаврилович, разрешите приступить к осмотру дома? – нарушил затянувшееся молчание Мечислав Николаевич.

– А? Да-да, приступайте, пусть Иван Егорович закрепит всё на фотографических карточках, – кивнул Филиппов. – Душа не выносит, когда такие малютки лишены жизни на самой её заре...

– Такова жизнь, – пристав выпустил струю папиросного дыма. – Ничего не поделаешь.

– Ничего, – вслед за ним повторил начальник сыскной полиции и повторил по слогам: – Ни-че-го.

– Может быть, оно и к лучшему, – некстати произнёс Дмитрий Дмитриевич. – Иначе остались бы никому не нужными сиротами. Нахлебниками в чужой для них семье.

Филиппов ничего не сказал, только смерил пристава быстрым обжигающим взглядом.

– Владимир Гаврилович, конечно, мне тоже жаль ребятшек, – словно бы оправдываясь, сказал Васильев, но в глазах его читалось полное безразличие к несостоявшейся судьбе детей. – Это надо вот так просто поднять руку и лишиться жизни малюток!..

– Перестаньте, Дмитрий Дмитрич, – не выдержал неприкрытого лицемерия пристава Стеценко. – Простите, но я вынужден вас покинуть. Мне надо осмотреть тела убитых.

Доктор направился в дом вслед за чиновниками для поручений, к которым уже присоединился фотограф.

Обследовали каждый закуток, не пропустив ничего, а особенно тщательно – подвал, в котором был вскрытый тайник. Видимо, хозяин не выдержал пыток и отдал грабителям всё, даже жизни – свою и всех родных.

Филиппов в дом больше не заходил, доверив поиски улики своим сотрудникам. Не мог заставить себя смотреть на место преступления после того, как увезли трупы. В этот майский день что-то в душе начальника сыскной полиции надломилось, и он понял: чтобы найти преступника, надо очерстветь, иначе каждое убийство будет давить тяжким грузом и отвлекать от дознания. Что-то важное можно упустить, и тогда насмарку пойдёт весь ход логических размышлений. Он стал смотреть на преступление как на личную обиду, в которой конечной точкой становится торжество правосудия.

Первым завершил осмотр доктор Стеценко. Выражение его лица сделалось как у Филиппова, когда тот покинул дом.

– Что скажете, Пётр Назарович? – поинтересовался пристав, переваливаясь с пяток на носки и обратно – то ли нервически, то ли от нетерпения.

Доктор с минуту помолчал, потёр лоб.

– Пять трупов, – сухо констатировал он, – три взрослых, два детских. По возрасту – лет пяти и десяти...

– Восьми, – тихим голосом поправил Петра Назаровича начальник сыскной полиции.

– Простите? – не понял Стеценко.

– Мальчику только восемь.

Доктор глубоко вздохнул, словно на секунду лишился живительного воздуха.

– Благодарю, Владимир Гаврилович. Так я о чём?..

– Об убиенных, – пристав смотрел на дом.

– Дети задушены во сне. Кухарка и вторая женщина, видимо, хозяйка, зарублены топором, а вот хозяин умер от пыток...

– Пыток? – Глаза Дмитрия Дмитриевича расширились и стали походить на чайные блюдца.

– Представьте себе, от пыток. Допускаю, что у хозяина хранилось в доме что-то ценное, поэтому грабители не погнушались прибегнуть к средневековым пыткам.

– И это в начале просвещённого двадцатого века!.. – покачал головой охтинский пристав.

– Ну, кто-то живёт в век просвещения, а кто-то не вылез из пыточных сыскного приказа, – сказал Филиппов. – Пётр Назарович, я понимаю, до вскрытия сложно сказать, но как по-вашему, один и тот же топор применялся в убийствах Андреевых и здесь?

– Я, конечно, не до конца исследовал нынешние трупы, но мне кажется – на первый взгляд – топоры разные. В доме Андреева ширина лезвия четыре вершка, а в этом, – он кивнул головой в сторону дома, – использовался другой, с более широким. Наверное, в семь – семь с половиной вершков.

– Может быть, нож с широким лезвием? – сощурил глаза Владимир Гаврилович.

– Да, да, – подал голос пристав, – я бывал в деревне, так там нож-косарь применяли при рубке ботвы и мелких кустарников. Он широкий, – показал расширенными пальцами, – с вершок точно будет.

– Возможно, – задумчиво произнес Стеценко, – скажу позже. Я вот видел в конюшне у работников секач, так он тоже с длинным и широким лезвием. Его я тоже не исключал бы. Хотя... – он сжал губы.

– Вы вспомнили о секаче мясников?

– О нём тоже, но, господа, об этом я напишу в отчёте после вскрытия. Сейчас, господа, простите. Мне надо заняться убитыми.

– Пётр Назарович, – задержал Филиппов доктора, – скажите, на ваш взгляд, сколько дней прошло со дня смерти Анциферовых?

– Я могу, конечно, сейчас ошибиться, но мне кажется, дня три.

– То есть они были убиты до преступления в доме Андреева?

– Да, – подтвердил Стеценко. – Точнее вы узнаете завтра, но то, что преступление в этом доме совершено ранее, я могу сказать точно.

Доктор вышел. Остались охтинский пристав, начальник сыскной полиции, приехавшие судебный следователь Ридигер и исполняющий должность прокурора господин Таганцев Сергей Иосифович.

– Я, господа, удручён. Ещё один такой же день, и... – Васильев, не договорив, махнул рукой.

– Дмитрий Дмитрич, – Сергей Иосифович наклонил голову к правому плечу и повторил: – Дмитрий Дмитрич, слава богу, что пока у нас нет событий, подобных уфимским.

– Что там стряслось? – с любопытством спросил пристав.
– Дмитрий Дмитрич, – с укоризной посмотрел на пристава Таганцев, – неужели вы газет не читаете?

Охтинский пристав слегка покраснел.

– Почему не читаю? Читаю.

– Неужели позабыли о событии, произошедшем шестого числа сего месяца?

– Простите, но не припомню, – честно признался Васильев.

– В тот день был убит уфимский губернатор Богданович.

– Да вы что! – искренне удивился пристав.

Чтобы скрыть возникшую неловкость, судебный следователь посмотрел, прищурив глаза, на Таганцева.

– Может быть, вашему ведомству стали известны подробности столь дикого происшествия?

– Но только по секрету, – исполняющий должность прокурора понизил голос. – Как нам сообщили, в четвёртом часу губернатор Богданович гулял один в городском парке. Сами понимаете, в такой час гуляющих было достаточное количество. Он углубился в боковую аллею, прилегающую к собору, и там ему навстречу вышли двое или трое злоумышленников, пока точно не установлено. То ли один из злодеев под видом просителя, поклонившись, подал Николаю Модестовичу запечатанный пакет, якобы с прошением, то ли просителем оказался простой мещанин. Но убийцы воспользовались представившейся возможностью и почти одновременно произвели с десятка выстрелов в спину и в грудь губернатора. То ли к счастью, то ли к несчастью, смерть наступила мгновенно. Церковный сторож первым увидел злодеяние и бросился к преступникам, но те произвели в его сторону несколько выстрелов. Испугавшись, он спрятался, а злодеи тем временем скрылись.

– А где были полицейские? – спросил пристав.

– Николай Модестович предпочитал бродить в одиночестве, поэтому полицейские оставались у ворот парка.

– Какое легкомыслие!

– Да, легкомыслие, но иногда хочется, чтобы никто не тревожил, хотя бы в час, когда вокруг только пение птиц и шум молодых зелёных листьев.

– Всё равно это легкомыслие.

– Возможно, – исполняющий должность прокурора не стал вступать в спор с приставом и с завистью добавил: – А ведь Богданович только получил чин статского советника.

– Убийц задержали?

– Увы, – Таганцев развел руками, – убийцам удалось скрыться, но стало известно... – исполняющий должность прокурора огляделся по сторонам, словно собирающийся совершить какую-то проделку гимназист, – стало известно, что это приговор так называемой «Боевой организации социалистов-революционеров» за расстрел бунтовщиков на Златоустовском заводе.

– Трудные настали времена, – посетовал Васильев, – трудные. Что творится в Империи! Вот раньше...

– Господа, простите, – перебил охтинского пристава Филиппов, – но, с вашего позволения, я удалюсь к своим сотрудникам.

– Да, Владимир Гаврилович, – судебный следователь посерьёзней лицом, – завтра я жду ваш отчёт по сегодняшнему убийству.

– Непременно.

Глава 6

День прошёл в сыскных заботах. Вначале обыскали дом Анциферовых – каждую комнату, подвал, чердак. Потом опросили соседей, уточнили в полицейском участке – кого из незнакомцев задерживали в последние дни, не видели ли кого-нибудь из преступников-рецидивистов. Казалось бы, в первый день дознания сделали всё, что смогли, и под вечер чиновники для поручений, начальник сыскной полиции и судебный следователь собрались в кабинете у Филиппова на Офицерской улице.

Тишина длилась недолго.

Ридигер достал из кармана жилетки дорогие, с царским вензелем часы и отщёлкнул крышку.

– Простите, господа, – он посмотрел на циферблат, – но у меня мало времени. Что поведаете после обследования дома? – И судебный следователь, окинув взглядом присутствующих, остановил взор на Владимире Гавриловиче. Тот пощипал пальцами усы и обратился к Кунцевичу:

– Мечислав Николаевич, расскажите, что обнаружено.

Чиновник для поручений поднялся со стула. Филиппов жестом остановил его – мол, сидите.

– С вашего позволения, сперва об устройстве дома, – Кунцевич посмотрел на начальника, последний кивнул в знак согласия. – Дом Анциферовых в два этажа, первый сложен из камней, под ним подвал и ледник, второй – из брёвен. Одна комната в первом этаже является гостиной, рядом с нею кухня и жильё кухарки, несколько кладовок. Во втором четыре комнаты, из них одна отведена для спальни хозяев, две для детей – мальчика восьми и девочки пяти лет. Четвёртая комната этажа, видимо, гостевая. Преступники – а мы обнаружили следы трех человек – проникли через окно гостиной. Оно оказалось незапертым – то ли хозяева забыли закрыть по случайности, то ли кто-то этому поспособствовал.

– Вы думаете, что в доме был сообщник? – судебный следователь вскинул брови.

– Не исключено, – подал голос второй чиновник для поручений – Лунашук.

– Но это абсурд! – возмущённо сказал Ридигер. – Все живущие в доме лишены жизни. И кто из них открыл окно? – на лице Александра Александровича появилась ироничная улыбка.

– Почему же живущие в доме? – теперь пришло время удивиться Лунашуку. Он привык, что сослуживцы понимали даже невысказанное, а теперь приходилось растолковывать чужому человеку, пусть даже судебному следователю, простые истины. – Мы пока не выяснили, кто мог в последний вечер перед убийством по-дружески заходить к хозяину или, допустим, к кухарке.

– Вы полагаете, что знакомые... – начал Ридигер, но его перебил Владимир Гаврилович:

– Александр Александрович, давайте сперва дослушаем сотрудников, производивших обыск и предварительные опросы, а уж потом будем спрашивать.

– Хорошо, – кивнул судебный следователь, почувствовавший, что лучше бы завтра почистить отчёт начальника сыскной полиции, чем присутствовать на таких вот совещаниях и чувствовать себя не в своей тарелке.

– Разрешите продолжить? – Кунцевич больше обращался к Филиппову, чем к гостю. Владимир Гаврилович жестом дал согласие.

– Труп кухарки найден в отведённой ей же комнате. В минуту убийства она спала, отвернувшись к стене. Одним ударом преступник разрубил голову женщины на две части. Потом, видимо, эта троица...

– Троица?

– Да, троица, – Кунцевич посмотрел на судебного следователя, который сделал попытку встать и попросить Филиппова прислать ему отчёт, но не решился. Слишком неприглядным будет поспешное бегство. Ридигер остался. – Мы доподлинно нашли следы трёх человек.

– Я видел на кухне пустые бутылки и три стакана, – дополнил сотрудника Владимир Гаврилович.

– Кроме упомянутого вами, мы обнаружили следы сапог трёх разных размеров.

– Может быть, хозяйские? – не унимался судебный следователь.

– Нет, мы проверили всю обувь в доме, – твёрдо произнёс Кунцевич.

– Ну, тогда... – Ридигер хотел что-то сказать, но сразу же умолк.

– Троица пробралась по лестнице на второй этаж. Там они разделились. Один пошёл к детям, двое других – в хозяйскую спальню. Не могу судить, это дело доктора, но по силе удара можно сказать, что хозяйку убил тот же, что и кухарку. Одним ударом раскрыл череп почти до шеи. – Судебного следователя передёрнуло от отвращения. – После совершённого убийства хозяина привязали к стулу и заткнули тряпкой рот. Видимо, вернулся третий, и все вместе занялись главой семейства. Пытали, пока он не сказал, где находятся в доме тайники с деньгами, драгоценностями и ценными бумагами.

– Но позвольте, – Ридигер вновь начал выражать сомнения, – вы говорите, что Анциферова стали пытаться. Так?

– Так, – ответил Кунцевич.

– Но ведь его истошные крики должны были услышать в соседних домах?

– Совершенно верно.

– Но ведь соседи ничего не слышали?

– Это так.

– Но почему?

– Могут быть два варианта, – Филиппов посмотрел на судебного следователя. – В первом Анциферова запугали так, что он боялся рот открыть, надеясь на благополучный исход, а во втором хозяин дома пребывал в полуобморочном состоянии и не мог подать голоса.

– Но он же поведал о тайниках?

– Поведал.

На кабинет опустила крыла тишина. Только через открытое окно доносились звуки ночного города, и ветер едва заметно колыхал шторы.

Ридигер не выдержал и спросил, сгорая скорее от любопытства, нежели от желания после услышанного вести следствие:

– Вы мне писали, – он повернулся к Владимиру Гавриловичу, – что в доме Андреевых был только один убийца.

– Я это и сейчас подтверждаю, – кивнул Филиппов.

– А здесь трое?

– Совершенно верно, трое.

– Тогда получается, что убийства в двух домах совершены разными людьми?

– Не исключено, – поправил ус начальник сыскной полиции.

– Только этого и не хватало. – Щека судебного следователя начала дёргаться так, что он поднес к лицу ладонь, намереваясь это скрыть...

– Также не исключено, что один из троицы, возможно, не захотел делиться и предпочёл совершить преступление в одиночку. Есть варианты, и над ними мы начнём работать.

– Господи, – Александр Александрович перекрестился и поднялся с места. – Я жду завтра ваши отчёты. А засим разрешите откланяться. – И он покинул кабинет начальника сыскной полиции.

Когда Ридигер вышел, Владимир Гаврилович сказал:

– А ведь в словах Александра Александровича есть некоторый резон. Преступления вроде бы схожи, но совершены по-разному. Разные почерки, господа, разные.

– Не знаю, – произнёс Лунащук, потом добавил: – Сомнение вызывает другой факт: оба преступления совершены на одной и той же улице, использовано если не одно и то же орудие убийства, то подобное – топор. На мой взгляд, надо искать одних и тех же людей. Возможно, один из преступников был знаком и с Моисеем Андреевым, и со старшим Анциферовым.

– Вполне можно допустить, – поддержал Михаила Александровича Кунцевич.

– Хорошо, господа, я объединю эти два дела, пока не вскроются новые обстоятельства. Вы со своими осведомителями встречались?

– Владимир Гаврилович, когда? – вопросом на вопрос ответил Мечислав Николаевич. Потом добавил, словно бы оправдываясь: – Вчера поздно освободились, а сегодня с утра – у Анфицеровых.

– Я понимаю, но не затягивайте. Может быть, с этой стороны поклёвка пойдёт, тем более что и соседи, и полицейские никого подозрительного не видели ни на улице, ни в трактире у Андреева.

– Странно, – ухмыльнулся Михаил Александрович, – чтобы в трактире, да не появились подозрительные лица?

Глава 7

Статский советник Васильев, с одной стороны, блаженствовал, ибо сидел в глубоком кресле с рюмкой водки в правой руке и наколотым на вилку солёным огурчиком – в левой. С другой стороны, чувство обеспокоенности не отступало. Два злодейских преступления, в которых обнаружилось семь трупов, не давали покоя. Дмитрий Дмитриевич рассчитывал, что в дни торжеств по случаю двухсотлетия основания Санкт-Петербурга ему за тридцатипятилетнее служение царю и Отечеству вручат очередной орден. Но в сложившейся ситуации перспектива получения награды заволакивалась белёсым осенним туманом. Дай бог, чтоб на службе оставили.

Но надежда оставалась. И её имя было – Владимир Гаврилович Филиппов. Может быть, пронесётся ветер перемен над головой и не затронет заслуженного человека? Самому делать вид, что по мере сил помогаешь дознанию. Если господин Филиппов со товарищи разыщет преступников, то не преминет упомянуть и охтинского пристава, а уж если на верёвке злодеев приведёт, то тем паче не забудет о помощи.

Видимо, стоит рассказать о тех хорошо одетых людях, что две недели жили на Охте, о той троице, что в первые дни своего пребывания столовались в трактире Андреева, но потом начали посещать чревоугодное заведение господина Семиверстова, хотя там и готовят, не в пример поварам Моисея Семеновича, гораздо хуже.

Или всё-таки попытаться самому задержать эту троицу? Вдруг они убийцы? А если нет? Не хотелось бы на старости лет стать посмешищем.

Дмитрий Дмитриевич опрокинул рюмку с водкой в рот, одним глотком проглотил коварную жидкость и захрустел солёным огурчиком. Мысли на миг ушли. Тепло побежало от горла вниз. Васильев улыбнулся. Надо завтра доложить Филиппову. Но тут охтинского пристава кольнуло самолюбие. Почему именно доложить? Что он, вышестоящий начальник?

Дмитрий Дмитриевич покачал головой, поставил рюмку на стол и налил из графина отработанным движением ещё одну порцию.

Надо поделиться. Эта мысль Васильеву понравилась – да, именно поделиться сведениями. Тем более что околоточный Кутышкин поведал о тех троих, что съехали пять дней назад, покинули столицу. У сыскной полиции больше полномочий и больше шансов найти незнакомцев. Они проверят и, возможно, найдут. Если они преступники, то ему зачтётся, а если пустая карта? Так на то и существует сыскная полиция, чтобы заниматься розыском людей.

«Решено, завтра поделюсь, – он ещё раз повторил понравившееся слово, – поделюсь сведениями с Владимиром Гавриловичем».

Глава 8

– А что странного? – пожал плечами Кунцевич. – Пришли в трактир незнакомцы, вели себя тихо, поели, выпили, узнали то, что им надо. И все дела! Зачем же им привлекать к себе внимание?

– Мечислав Николаевич прав. Здесь возникают совсем другие вопросы, – поддержал чиновника для поручений Филиппов. – Допустим, они смогли получить сведения об Андреевых. Всё-таки в трактире можно подслушать беседы, подсмотреть, сколько человек живёт в доме, кто из них кто. Но почему убиты Анциферовы? Может быть, мы чего-то о них не знаем? Не выбран же преступниками первый попавшийся дом? Значит, они знали, куда лезли, знали, что должно храниться в тайниках. Стало быть, они либо были знакомы с хозяином, либо имели сведения о том, чем занимается Анциферов. Вот с этого надо начинать.

– Среди скупщиков краденого Анциферов не замечен, – потёр переносицу Лунашук. – Конечно, начнём через своих людей собирать данные об этом человеке.

– Заодно и об Андрееве, – Филиппов смотрел в окно.

– Вы думаете...

– Нет, – Владимир Гаврилович перевел взгляд на Кунцевича, – пока я ничего не думаю. Сейчас нам надо собирать сведения, а уж потом делать выводы. Так что, господа, за работу.

Не успели чиновники для поручений подняться с мест, как раздался стук в дверь.

Филиппов отозвался и жестом указал сыскным агентам – мол, можете быть свободны.

В кабинет вошёл Николай Семенович Власков, ещё один чиновник для поручений. Среднего роста, худощавый, с бритым лицом, на котором выделялись голубые глаза с едва заметным прищуром. Будучи уже немолодым – недавно отпраздновал сороковой день рождения, – он так и оставался по званию губернским секретарём. Занимался в основном делами о кражах и грабежах. На судьбу не сетовал, а воспринимал своё положение с улыбкой, говоря, что так до отставки и останется вечным губернским. Но в глубине души лелеял надежду, что его отметит начальство, после чего он поднимется ступенью выше и станет, наконец, коллежским.

– Николай Семёныч, – Филиппов указал на освободившийся стул, – с чем в этот раз?

– Как обычно, – застенчиво улыбнулся Власков и присел на предложенное место. – Помельчали наши местные и залётные воры. Будильник или самовар украдут – и пребывают в довольствии.

– Но вы-то здесь не из-за будильника?

– Совершенно верно, не из-за него, родимого.

Память у Власкова была отменной, помнил не только имена-фамилии один раз встреченных преступников, но и клички, приметы, а главное, мог опознать любого из них. Посмотрит на приведённого вора или разбойника, сощурит глаза, повертит головой то вправо, то влево, сожмёт губы, а потом и выдаст: «Ну, здравствуй, Пётр, Иван или Николай. Что теперь сотворил?». И если человек отказывается от всего, говоря, что, мол, не помнит он ни роду, ни племени, а зовётся безродным, то начнёт Николай Семёнович всю биографию приведённого рассказывать, так что тот только рот в изумлении и открывает.

Власков потёр глаза большим и указательным пальцами.

– Я по другому вопросу, Владимир Гаврилович. Воров-то я и так перед законом по мере возможности представляю. Я... – чиновник для поручений немного замялся.

– В чём дело, Николай Семенович?

– Слышал краем уха, что в Охтинской части два семейства ограбили и убили...

– Есть такое дело.

– Владимир Гаврилович, можно мне заняться этим делом? – и Власков посмотрел украдкой на Лунашука и Кунцевича.

Филиппов на несколько секунд задумался. Предложение Власкова, при всей своей неожиданности, было как нельзя кстати. Николай Семёнович знал многих персонажей по ту сторону закона. Его участие в дознании могло принести определённый результат.

– А ведь... – Владимир Гаврилович умолк, выдерживая театральную паузу, – в ваших словах, Николай Семёныч, есть определённый резон. Вы, насколько я знаю, имеете чуть ли не в каждом околотке секретного сотрудника? – это прозвучало то ли вопросом, то ли утверждением.

Власков застенчиво потупился и с напускной скромностью сказал:

– Ну, не во всех, но имею во многих.

– Вот то, что нам надо. Стало быть, и в Охтинской части есть свои люди? – Филиппов подмигнул чиновнику для поручений.

– И там.

– Вот вам и карты в руки, Николай Семёныч. Поднимите тайных агентов и разузнайте, появлялись ли в краях Охтинской части три незнакомых господина, которые поселились от месяца до недели тому и так же внезапно, в один день, собрались и уехали. Хотя... – Филиппов помедлил, – их могло быть и больше.

– А если двое? Или, допустим, приехали по одному? Возможно, знали, что придётся руки обагрить кровью.

– Но вы всё-таки разузнайте.

– Только в Охтинской?

– К сожалению, нет. Преступники могли жить в любом околотке, даже на противоположной стороне города. Хотя вряд ли, – Филиппов потеревил ус, – им надо было быть рядом, ведь ночью с другого конца города пришлось бы брать экипаж, да и подозрение бы вызвали...

– Может быть, у них был свой?

– Нет, – категорично ответил Владимир Гаврилович, – тогда соседи наверняка заметили бы.

– Значит, их трое? – Власков потёр ладонь об ладонь.

– Предположительно, трое.

– Почему «предположительно»?

– Найдено присутствие трёх разных людей на одном из мест преступления.

– Мне сказали, что в двух домах совершены убийства.

– Правильно сказали, но только в одном следы оставили трое преступников, а во втором месте следов не нашлось. И меня смущает не то, что их трое, а кто явился наводчиком.

– Может, кто-то из приезжих знал хозяина?

– Знать это мы не можем, – Филиппов откинулся на спинку стула, – Искать начнём со знакомых, родственников. Непонятно, почему в одном случае – множество следов и дикая жестокость, а во втором убийцы пощадили семью. И ко всему прочему, до торжеств осталось всего ничего, а перед нами такое варварство, что уму непостижимо, как может так поступить горожанин, живущий в двадцатом веке.

Власков не перебивал начальника, а молча, слушал, играя желваками. Сидел и размышлял, кого из своих секретных агентов привлечь к делу в первую очередь.

– Я могу идти? – чиновник для поручений поднялся со стула.

– Да, Николай Семёнович, можете, но имейте в виду, – Филиппов улыбнулся, – что текущая работа не откладывается в долгий ящик.

– Я понимаю, – с этими словами Власков простился и вышел, тихо притворив за собою тяжёлую дубовую дверь с вытертой до блеска медной ручкой.

Владимир Гаврилович и сам только сейчас почувствовал, как устал за прошедшие два дня. Хотелось прийти домой, скинуть опостылевший костюм, развязать галстук. Надеть тёплый

халат, пусть не новый, слегка поношенный, но так в нём уютно... Налить в фужер красного крымского вина (другие почему-то Филиппову не нравились). И забыть обо всём.

Хотелось ещё, чтобы дети не мешали вечернему покою.

Глава 9

В десятом часу пристав Васильев не выдержал и телефонировал начальнику сыскной полиции.

– Доброе утро, Владимир Гаврилович! – приветствовал в исходящую электрическими щелчками трубку телефонного аппарата Дмитрий Дмитриевич.

– Доброе, – послышалось в ответ.

– Не буду разводить всяческие антимионии и политесы, а сразу перейду к делу, ведь в нашем положении самое главное – время, – Филиппов терпеливо слушал. – Не знаю, помогут ли в дознании мои сведения, но в наших краях проживали с неделю три господина, фамилии их я пришлю с посыльным. Так вот, они недели две назад приехали в столицу. Отправили паспортные книжки на пропуску...

– Паспортные книжки, которые выдаются на пять лет? – уточняя, перебил Васильева начальник сыскной полиции.

– Только у одного паспортная книжка, а у других паспорта на год.

Невзирая на уверения властей, Устав 1894 года полностью сохранял сословный характер в отношении не только выдачи, но и сроков действия паспортов. Люди, как и в старые времена, делились по имущественному признаку и принадлежности к той или иной прослойке. Для дворян, чиновников, отставных офицеров, купцов разных гильдий, потомственных и почетных граждан существовали бессрочные паспорта, выдаваемые по конкретному случаю, в том числе для поездки за границу. Такой документ фактически сохранялся на всю жизнь. Для крестьян, ремесленников и мещан устанавливались срочные паспорта, которые делились на паспортные книжки, выдаваемые на 5 лет, и одногодичные паспорта. Книжки выдавались тем, кого рекомендовали цех, артель или община как крепкого хозяина и исправного плательщика податей. Одногодичный паспорт предназначался для тех, кто не был на столь хорошем счету у полиции и крестьянского общества. Работникам на земле и рабочим выдавались виды и на более малый срок – на 3 и 6 месяцев, что усиливало их зависимость и заставляло часто наведываться в полицию для возобновления видов.

– Я проверю, но скажите, чем привлекли вас эти трое?

– Приехали до убийств и исчезли прочь за несколько дней до печальных событий. Мне показалось это обстоятельство довольно странным.

– Благодарю, Дмитрий Дмитрич, за сведения. Как только прояснится ситуация с этой троицей, сразу же вас извещу.

Посыльный прибыл через четверть часа после разговора с приставом. Щёлкнув каблучками, протянул записку начальнику сыскной полиции. Владимир Гаврилович раскрыл сложенную бумагу и прочитал имена и фамилии, которые ни о чём ему не говорили и не навевали никаких воспоминаний.

Вначале заинтересовался, а потом в недоумении пожал плечами. Пристав сам мог прислать не только написанные незнакомые фамилии, но и некоторые сведения о незнакомцах – ведь в распоряжении Васильева находились прикрепительные талоны, а в них много чего сказано. Ведь закон от 1894 года гласит:

«В столице особенному наблюдению полиции поручается исправное содержание книг о прибывающих и выбывающих как в домах, так и в Участковых управлениях, с подтверждением им строжайше, чтобы проверка сих книг и донесения о замеченных неверностях в оных, а равно о числе прибывающих в дома и выбывающих из оных, делаемы были непременно и в надлежащее время».

А это значит, что в Выборгской части хранится книга, в которую занесено:

«По сей форме, записав в книгу звание, имя и фамилию прибывшаго, или выбывшаго, с показанием, откуда он прибыл, или куда отправился, домоправитель немедленно и непременно в течение двадцати четырех часов обязывается дать знать о том в участке, предъявив в оный книгу, на которой подлежащий полицейский чиновник должен тогда своеручно отметить, что о прибывшем или выбывшем в Участковом управлении было объявлено, а виды прибывших, по записке в книгу, обязан возвратить по принадлежности непременно в тот же день, в который оные будут предъявлены в Управлении».

Господин Васильев, видимо, сей факт запомнил или хотел что-то скрыть... О чём-то противоправном думать не хотелось. Закон ведь прямо указывает:

«При прописке видов на жительство в городе Санкт-Петербурге и его пригородах составляются адресные листки в двух экземплярах, из коих один передаётся Участковым управлением в Адресный стол, а другой остается в Участковом управлении».

– Хорошо, можете быть свободны, – сказал Филиппов посыльному, затем перечитал фамилии и подошёл к окну. Со второго этажа он видел с правой стороны львиные силуэты, а с левой – Офицерскую улицу, по которой катил на экипажах или шёл пешком петербургский люд. Впереди новый день, наполненный неизвестностью, особенно для разыскивающих преступников сыскных агентов. Мысли крутились вокруг фамилий, указанных на сером листе бумаги.

Владимир Гаврилович направился к выходу. У дежурного чиновника поинтересовался, где находится Власков. На что получил ответ, что Николай Семёнович отбыл в Охтинский участок по его же, Филиппова, заданию.

Вернулся в кабинет, хотел сам поехать и разузнать: кто такие эти трое? Откуда прибыли в столицу? Какого роду-племени? Но здравый смысл взял верх – текущей работой должны заниматься агенты. Пусть проедутся в Адресный стол.

Через два часа на столе Филиппова лежала новая бумага. Посланный в Адресный стол доложил, что помощник начальника Василевский распорядился оказать содействие и в краткие сроки разыскать искомые карточки.

Владимир Гаврилович улыбнулся в пышные усы. Он предварительно телефонировал в Адресный стол, и его соединили именно с Михаилом Петровичем. Последний сослался на обстоятельства и пожаловался, что в нынешнее время, в преддверии юбилея, в столицу съезжаются многие: и чиновники, и люди дворянского сословия, военные и даже крестьяне, поэтому для помощи нет времени. Пришлось пуститься в уговоры, в результате которых данные на троих приезжих легли на стол перед начальником сыскной полиции.

Оказалось, что все трое прибыли из одного места – деревни Ивановка Старицкого уезда Тверской губернии, все из крестьян, и отбыли обратно за три дня до убийства Анциферовых.

Доктор Стеценко не стал затягивать со вскрытием трупов. И он же сообщил о дне смерти. Получалось, что сначала убили Анциферовых, а через день – чету Андреевых.

Всё равно что-то не складывалось. Если предполагаемые убийцы прибыли в город за две недели до печальных событий, то чем они занимались? Следили за двумя семействами? Не очень-то похоже. Уж скорее встречались с человеком, который их вызвал и навёл. Значит, стоит проверить, прежде всего, действительно ли приезжие проживают в деревне Ивановка. Если так, то они непременно должны были получить весточку из столицы, чтобы в нужное время появиться здесь. Если телеграмму, то можно отследить, а вот если письмо... здесь концов не найти, тем более если троица прибыла с поддельными или чужими паспортами.

Глава 10

Власков ободрился заданием начальника сыскной полиции. Его распирало от гордости – ведь Филиппов поручил ему узнать сведения по убийствам, а не каким-то кражам, которые сам же Николай Семёнович не считал серьёзным делом. Сначала он направился к Коське Угрюмому, который уже лет десять делился сведениями о преступном сообществе столицы. Может быть, да и наверняка, много недоговаривал, но информацию поставлял первостатейную. И вот сейчас предстояла непростая встреча. Прежде всего надо было передать записку о времени и месте, где и когда они смогут поговорить, – Власков оберегал своего секретного сотрудника и не хотел, чтобы тот в результате необдуманных действий попал, как говорят в их среде, «на перо».

Коська Угрюмый, по рождению Константин Иванович Устюжанинов, за свою жизнь поменял с десятков паспортов. И если спросить, какие стояли в них имена, вряд ли смог бы припомнить.

Коренастый, с широкой грудью и короткими руками, оканчивающимися большими ладонями, пальцами которых он мог гнуть серебряные рубли, – Коська сидел с утра в трактире на Большом проспекте Васильевского острова и пил из блюдца горячий чай. Перед ним стоял самовар, исходящий едва ощутимым дымом берёзовой щепы, и две тарелки: в одной – тонкие кружевные блины, в другой – густая, словно масло, сметана. Короткие волосы окаймляли голову с торчащими большими ушами. Брови сходились на переносице одной линией, а под носом расположились усы, которых Коська не сбрасывал со дня появления, только периодически стриг их до тонкой полоски или оставлял пышными, как у казаков.

Когда курносый мальчишка лет шести подошел к столу, Угрюмый свернул блин и протянул сорванцу. Тот улыбнулся и что-то тихо сказал. Коська кивнул на тарелку, и мальчишка, взяв ещё один блин, быстрым шагом покинул заведение.

Угрюмый продолжал, всё так же не спеша, наслаждаться чаем. Через четверть часа расплатился, сунул руки в карманы и вышел на довольно оживлённую улицу. По тротуарам сновал рабочий и торговый люд, проезжали телеги, гнали экипажи и коляски извозчики, унося пассажиров по озвученным адресам.

Коська посмотрел сперва вправо, потом влево, словно стоял в нерешительности – в какую сторону ему двинуть. Но спустя минуту направился в сторону церкви Святой Екатерины. Дойдя до каменного здания светло-зелёного цвета с четырьмя высокими колоннами, перешёл проспект, едва не попав под колёса пролётки. Матерно выругался вполголоса, погрозив вслед извозчику, и продолжил путь, иногда украдкой оглядываясь, не следует ли кто за ним.

По Кадетской линии вышел к Университетской набережной, направился к металлическому ограждению. Большая Нева медленно несла тёмные воды к заливу. Сновали с берега на берег небольшие лодки. Текла мирная размеренная жизнь.

Хотя до Николаевского моста и было ближе, чем до Дворцового, Угрюмый направил стопы в сторону дальнего. От него до места встречи всего-то ничего, если взять извозчика.

Перед самым Дворцовым мостом Коська не выдержал пешего хождения и остановил коляску, которой управлял рыжий малый в фуражке, заломленной на затылок.

– На Караванную. – И добавил: – Доходный дом купца Фокина знаешь?

– Господин хороший, до Караванной домчимся вмиг.

– Ну, поезжай, – Угрюмый почувствовал себя барином. Не надо ноги по самое «не балуй» снашивать. Проедется с комфортом и ветерком. Нужно ж и себе какой-никакой праздник устраивать иной раз.

Коська откинулся на мягкое сиденье и сложил руки на груди.

Мимо проносились дома, магазины, люди, но Угрюмый не терял бдительности. Нет-нет, да и обернётся.

Не доезжая сотни аршин до доходного дома, Коська вальяжно ступил на ступеньку коляски, как бы невзначай посмотрел назад.

– Благодарствую, любезный, – и протянул серебряный четвертак вознице. Тот улыбнулся: – Премного благодарен, барин! – и тронул с места.

Угрюмый прогулялся вначале до Инженерной улицы, там с минуту постоял и поглазел на жёлтое здание – цирк Чинизелли – с тремя белыми статуями в нишах второго этажа и красным куполом. Коська залюбовался. Нравилось ему ходить на представления, заливаться смехом от ужимок и реприз ковёрных, завидовать акробатам, что сам не так ловок. Иначе все квартиры столицы были бы у него в кармане. Но затем покачал головой – билеты в это заведение кусались и стоили подороже посещения самых дорогих театров. А внутри какая красота! Угрюмый цокнул языком.

Малиновый бархат, золото, зеркала украшали зрительный зал и единственную большую залу для публики на первом этаже. Коська слышал, что конюшня, куда имела право заглянуть только привилегированная публика, содержалась в парадной чистоте и благоухала духами, везде зеркала, фонтаны и даже аквариумы с золотыми рыбками, всюду мрамор. Когда он слышал о таком, то невольно думал, что и сам не отказался бы с недельку пожить в такой обстановке. Но всё-таки скрежетнул зубами, подумав, что, даже имея деньги, чувствуешь в цирке деление на высшее общество и всех остальных. Устройство зрительного зала предусматривало чёткое разделение общества по классовой принадлежности. Ложи и места в партере предназначались для состоятельной публики. Для народа победней были отведены сравнительно дешёвые места во втором ярусе и устроена террасированная галерея, рассчитанная на стоящего зрителя. И этот ярус, и галерея имели отдельный вход с улицы, а внутри зала были наглухо перекрыты барьерами, чтобы зрители верхних мест не могли спуститься вниз и не напугать своим видом богачей.

Угрюмый сплюнул, неслышно выругался и повернул направо к Фонтанке. Вход был там. Встречался Коська с Николаем Семёновичем в комнате дворника, который по-родственному разрешил племяннику время от времени здесь беседовать с улыбочивым господином.

Толкнув дверь, Коська увидел, что Власков сидит за столом с дядей Мишей и оба попивают чай. Чиновник для поручений никогда не приходил с пустыми руками, всегда приносил то калачей, то бубликов, то каких-то пирогов, но никогда ни вина, ни водки. Говорил, что голова должна быть светлой, как солнце в дневную пору, и незамутнённой, как вода из родника.

Несмотря на свои почти сорок лет, Коська побаивался Николая Семёновича, хотя виду никогда не подавал, и сейчас с замиранием сердца улыбнулся:

– Здравия желаю, Николай Семёнович!

– Здравствуй, Константин! – произнес Власков и улыбнулся в ответ.

Дядя Миша сразу же поднялся с табуретки.

– Пойду я, убирать сегодня много, – будто бы оправдываясь, сказал дворник.

– Михаил Евграфыч, – ласково сказал Николай Семёнович, – ты бы чай допил, с нами посидел. Не то неудобно получается – пришли два гостя и тебя из твоего же жилья и выставляют.

– Что вы! – замахал руками дядя Миша. – Я такого в жисть не подумаю, а чай потом допью.

– Холодный же будет.

– Ничего, самовар есть, вода есть, щепка есть, значит, и чай горячий будет. – И дворник вышел из своей каморки.

– Здравствуй, Константин! – ещё раз поздоровался Власков. – Что ты у двери встал? Проходи, в отсутствие дяди ты здесь хозяин. Чаю налить?

– Благодарствую, – Угрюмый сел на табурет, где ранее сидел дядя, – только в трактире два чайника опустошил.

– Если так... – чиновник для поручений отодвинул стакан в сторону. – Ну, как поживаешь, Константин?

– Вашими молитвами, – Угрюмый обеспокоенно посмотрел на Власкова.

– Ты не таись, говори, как есть.

Коська как-то сгорбился, на лбу появились глубокие складки, и создалось впечатление, что он и хочет сказать, да что-то мешает.

– Константин, – нахмурился и сыскной агент, – что стряслось?

Угрюмый с минуту помедлил. Власков не торопил.

– Никогда такого со мной не было, – опять умолк, – а вот ныне не могу избавиться от чувства, что кто-то за мной ходит.

– Ты замечал кого-то?

– Да вроде бы нет.

– Ну ты, паря, даёшь. Раньше с тобою такое бывало?

– В первый раз я себя чувствую не в своей тарелке.

– Может быть, тебе на время уехать, пока торжества пройдут?

– Ага, – Коська не стал скрывать своего желанья, – ныне самое время свое благосостояние, – он ввернул слово, которое недавно слышал, – улучшить. Столько сюда народу понаедет, – и прикусил язык. Как-никак, но разговаривает он с агентом сыскной полиции. Тот хоть и поможет в случае чего, но у него тоже возможности ограничены.

– Повысись-то повысись, а вдруг нарвёшься. Ладно ещё, в каталажку посадят, а если в бок острым предметом или кистенём по голове?

– Николай Семёныч, – дурашливо начал Коська, но его грозно перебил Власков:

– Я о тебе пекусь. Ты ж сам сказал, что слежку чувствуешь.

– Может, это от мнительности моей, – и здесь Коська без запинки произнёс слово, слышанное от доктора.

– Ты смотри у меня, – чиновник для поручений погрозил пальцем Угрюмому.

– Николай Семёныч...

– Сорок лет уже Николай Семёныч, – перебил Власков, – и повидал много.

– Николай Семёныч, так и мне, почитай, не семнадцать.

– Вот именно. Хотел тебе дело поручить, но вижу, что затаиться тебе надо. Отца с матерью давно не видел?

– Да, лет пять, кажись.

– Вот и поезжай к ним. Запасов изъятых, думаю, тебе на месяц хватит.

– Николай Семёныч, дома я всегда успею побывать. – Коська провёл рукой по подбородку. – Как мне кажется, вы не стали бы меня приглашать сюда, будь дело неважным.

– Здесь ты прав.

– Николай Семёныч, не первый год мы знакомы, так что давайте начистоту. Вы ж знаете, не люблю всякого крутежа вокруг да около.

– Что ж, если так... – Власков посмотрел в глаза собеседнику. – Ты слышал об убийствах на Мало-Охтинском?

– Это где две семьи в котлеты порубили и мильон золотом взяли?

– Быстро же по городу злые вести бегут, – кивнул чиновник для поручений, – и с каждым слухом нулей становится больше и преступление кровавей.

– Столица, – ухмыльнулся Угрюмый.

– Что об этом говорят?

– Да толком ничего. Сказывали, что приезжие город наш посетили, но и без местных не обошлось.

- Без местных?
- Ну да. Кто-то ж их навёл? – вполне искренне ответил вопросом на вопрос Коська.
- Ты думаешь или так говорят?
- Говорят.
- Ты можешь узнать об этом?
- Не знаю, – теперь уверенности в словах Угрюмого поубавилось.
- Скажи, у тебя есть в Охтинском участке знакомые?
- Найдутся. И что мне от них надо?
- Мне нужны сведения о людях, объявившихся в Выборгской части за три-четыре недели до убийства и исчезнувших за неделю. Не слишком трудное задание?
- Я постараюсь.
- А как же с теми, кто за тобой следит?
- Разберусь.
- Смотри, если что, я буду ждать. Можешь телефонировать в сыскную полицию, скажешь, что... ждешь Власкова через... время просто назовёшь, и встретимся здесь же.
- Хорошо.
- Но прошу тебя, Константин, будь осторожен. Если почувствуешь опасность, отступи. Не надо никакого геройства, не стоит жизнью пренебрегать.

Глава 11

Кунцевич пришёл на встречу с секретным сотрудником ранним утром. Пришлось подниматься ни свет ни заря и пить на бегу чай, перекусывая пирогом с капустой, иначе первого из своих осведомителей можно было не застать. Именно поэтому Мечислав Николаевич спешил. Если опоздать хотя бы на пять минут, то придётся идти на встречу завтра, а значит, терять драгоценное для дознания время.

По утрам Семёна Иголкина можно было застать на Большом проспекте Петербургской стороны в трактире «Волга», занимавшем весь первый этаж длинного, как солдатские казармы, дома. Владелец, купец Оленчиков, искал покупателя на своё заведение. Семён присматривался, стоит ли прикупить такой лакомый, на его взгляд, кусочек, поэтому каждое утро подмечал, что творится, сколько ходит народу – ведь прогореть не хотелось.

Иголкин сидел в одиночестве в дальнем от входа углу, в котором сгустился утренний полумрак, и допивал чай. Когда отправил последний кусок пирога в рот, к нему подсел Мечислав Николаевич. Чиновника для поручений Семён уважал за то, что тот никогда данного однажды слова не нарушал, лишнего на преступников не вешал и отличался справедливой строгостью.

– Здравствуй, Сёма! – произнёс Кунцевич.

– Доброго дня и вам, Мечислав Николаевич!

– Как, Сёма, поживаешь?

– Пока, как видите, жив-здоров, чего и вам желаю.

– Благодарю, – чиновник для поручений улыбнулся уголками губ.

– Мечислав Николаич, – Иголкин покосился по сторонам, не обращает ли кто на них внимания, – давайте сразу к делу.

– Деловой ты, Сёма, до коликов в желудке.

– Вам смешно, а мне не очень. В прошлый раз чуть было не срисовали нас с вами. Думаете, кто-нибудь разбираться будет? Нож под рёбра или того хуже, – Иголкин помрачнел, вспомнив, как год назад одного весёлого парня, частенько беседовавшего с сыскными агентами, вывезли в лесок и там живьём закопали. – У нас доказательств не требуется, и присяжных поверенных для защиты нет.

– Хорошо, – коротко кинул Кунцевич. – На Мало-Охтинском две семьи порубили, вот мой интерес к этому делу. Мне пригодится всё, что можешь узнать.

– Замётано, – Сёма поиграл желваками.

Мечислав Николаевич поднялся и вышел из трактира. На улице незаметно посмотрел вправо, влево и только потом направился к Малой Невке. Предстояло посетить ещё два места – Большой Сампсониевский и Безбородкинский проспекты. Если по первому адресу обитателя надо разыскивать где-то рядом, то по второму – имело смысл зайти на квартиру.

Не прошло и трёх часов, как Кунцевич направился на Мало-Охтинский проспект, чтобы там, расспросив соседей, собрать сведения о семействе Анциферовых.

Ещё вчера Мечислав Николаевич с Михаилом Александровичем решили, что последний будет заниматься только Андреевыми.

После встреч с секретными сотрудниками Кунцевич решил посетить Охтинский участок и переговорить там с околоточным, которому поручено следить за населением, знать все передвижения. Ну и кто-то из дворников может помочь – вдруг что видел, на что-то обратил внимание. Всё важно в дознаваемом деле.

– Здравствуй, братец, – Мечислав Николаевич слегка склонил голову к правому плечу.

– Здравия желаю, ваше благородие! – служивый приложил руку к козырьку и опустил вниз.

Кунцевич поморщился.

– Не надо так громко, округу по тревоге поднимешь. Как звать тебя?

– Околоточный надзиратель Кутышкин, ваше благородие.

– Можешь меня Мечиславом Николаевичем называть.

– Так... – И тише добавил: – точно, ва... Мечислав Николаевич.

– Скажи, в околотке ты отвечаешь за порядок?

– Именно так.

– Значит, всех знаешь?

– Так, Мечислав Николаевич, обязанности мои такие. – И совсем некстати процитировал: – «Обязанности по внутреннему надзору заключаются в предупреждении и обнаружении виновных в совершении преступлений, в предупреждении и пресечении преступлений, в открытии краденого имущества и тому подобном. Для достижения этой цели им вменяется в обязанность: ознакомиться с населением своего околотка, но и с особенностями каждого дома в отдельности; знать в своем околотке всех хозяев».

– Вижу, службу свою знаешь хорошо.

– Точно так. – На толстогубом лице околоточного надзирателя появилась довольная улыбка.

– Обо всех мне можешь рассказать?

– Могу-то могу, но позвольте... – Кутышкин смешался, – документик ваш посмотреть.

– Ты что, меня не помнишь? Я же только вчера в доме Анциферовых делал обыск. Не помнишь?

– Ваш... Мечислав Николаевич, мне спокойнее будет, если вы свой документ покажете. – В лице Кутышкина проступило что-то умоляющее.

– Пожалуйста, братец. – И Кунцевич достал из кожаного чёрного портмоне билет сыскного агента.

Кутышкин, шевеля губами, начал медленно читать:

– Чиновник для поручений при начальнике сыскной полиции Санкт-Петербурга коллежский секретарь Мечислав Николаевич Кунцевич.

– Прочёл?

– Так точно, – сконфуженно произнес околоточный.

– Теперь-то мы можем побеседовать в тихом месте? Может быть, чаю выпьем? Ты сегодня трапезничал?

– Мечислав Николаевич, вы ж знаете, что нам запрещается ходить по кабакам да трактирам.

– Знаю, – произнёс Кунцевич и тяжёлым взглядом окинул Кутышкина, облачённого в чёрный двубортный китель, ворот, обшлага и борт которого были украшены красной окантовкой, как и шаровары, заправленные в лакированные сапоги. Зелёные погоны, украшенные по центру широкой серебряной полосой, дополняли картину, рисующую бравого вояку. Околоточными становились только лица, прошедшие военную службу. – Тогда поведай мне, куда ты направлялся? – Согласно своду обязанностей околоточному надзирателю предписывалось доложиться приставу, куда он следует, для того чтобы его можно было быстро найти в любое время.

– Мечислав Николаевич... – Кутышкин зажал между губами ус.

– Да не телись ты, – Кунцевич вскипел, но голоса не повысил, – говори, как есть, без лишних экивоков.

– Так нам, – околоточный надзиратель отвёл в сторону взгляд, – нам с вами не велено разговаривать.

– Кому «нам»? Кем не велено? – растерялся чиновник для поручений.

– Полицейским Охтинского участка запрещено беседовать о деле с агентами сыскной полиции. А кем... неужто не догадались?

– Ну, я... – покачал головой Кунцевич и скрипнул зубами.

– Мечислав Николаевич, не губите. Вы ж в сыскной все головастые, – схватил за рукав чиновника для поручений Кутышкин, потом спохватился, – вы ж умные. Придумайте, как запрет обойти. А я вам подскажу.

– Говори.

– Околоточным я только третий год, многого не знаю. Вам лучше с предшественником моим поговорить, вот тот четверть века здесь службу вёл. Он вам много чего расскажет. И Васильев ему не указ.

– Ну, Дмитрий Дмитрич... – не успокаивался Кунцевич. Потом немного остыл. – Проводишь?

– Я вам адресочек подскажу.

– Что, не проводишь? Никто ж не видит нас.

– Так кажется, глаз у нас много.

– Тогда наверняка должны быть свидетели, видевшие убийц Андреевых и Анциферовых.

– Мечислав Николаевич, простите меня, но...

– И Кутышкин назвал адрес бывшего околоточного надзирателя. – Его Степаном Ивановичем зовут.

– Благодарю, – Кунцевич тронул поля шляпы.

Через полчаса Мечислав Николаевич сидел в небольшой уютной комнате. На столе исходил липовым духом самовар, стояли два стакана в серебряных подстаканниках, на одной тарелке лежал колотый сахар, на другой – пряники.

Степан Иванович оказался невысоким стариком с кучей бородкой и хитрыми глазками, блестящими из-под кустистых седых бровей.

С десяток минут сидели молча, словно присматривались друг к другу.

Первым нарушил молчание бывший околоточный надзиратель.

– Вспомнили про старика. А я-то думаю, когда ж ко мне явятся из сыскной полиции. Слышал, многими делами ныне заниматься стали, да и штат, слышал, увеличили?

– Увеличили, – Кунцевич по опыту знал, что надо старику вначале выговориться, а уж потом приступить к делу.

– Да, на заре моей службы в сыскной два десятка сотрудников не набиралось, но начальником тогда был Путилин, земля ему пухом, – Степан Иванович осенил себя крестным знаменем, – Иван Дмитрич, светлая голова, жаль, ныне таких нет. Вы уж простите старика за брюзжание, но тогда ни этих всяких ант... как его бес, антро...

– Антропологическое бюро, – подсказал Мечислав Николаевич.

– Вот-вот, этих чёртовых бюро не было. Но Иван Дмитрич – это столп, нюх имел, как никто другой, разбойников на раз вычислял. Ну, да ладно. Вы ж не за этим пришли?

– Точно.

– Про Анциферовых и Андреевых небось узнать?

– Хотелось бы.

– Так что о них толковать? Иона Фёдорович справный был мужик, – бывший околоточный пригладил ладонью короткие седые волосы, – хозяйственный. Деньги у него водились, торговлю свою имел. Разъезжал много.

– И какую торговлю вёл?

– Вот этого я вам сказать не могу, потому что не ведаю.

– Как так? – удивился Кунцевич.

– Вот так, Мечислав Николаевич. В доме своём он только проживал, а рассказывал мне, что в одной губернии товар чохом возьмёт и в другую, где такого нет, везёт и там же чохом и продаёт.

– Значит, отлучался, а назад приезжал с барышом.

– Точно так.

– Часто отъезжал из дому?

– Да, почитай, каждый месяц.

– И надолго?

– Когда на неделю, когда на две, но я подметил, не более чем на две.

– Странно.

– Да ничего странного-то и нет, каждый крутится, как может. Вот я, допустим, только служить горазд, а у него голова была ясная. Своего не упустит, то бишь... уже упустил, – с горечью добавил Степан Иванович.

– Иона Фёдорович случаем не местный?

– Нет, в наших краях таких хватких нет. Это ж надо там жить, чтобы знать, что в губернских, заштатных городках и в деревнях требуется. А он знал.

– Из каких мест прибыл он в столицу?

– Анциферов-то?

– Он.

– В столицу он прибыл лет двадцать тому, можно уточнить, но где-то так.

– С семьёй или один?

– В одиночестве.

– Степан Иванович, вы простите, но расскажите всё, что знаете.

– Мечислав Николаич, я ж не знаю, к чему ваш интерес, вот поэтому мне проще на вопросы отвечать. Лады?

– Лады. Дом он сразу купил?

– Вот это я знаю в точности – сразу же присмотрел и купил, не торгуясь.

– Не торгуясь?

– Так точно, торговаться не стал.

– Странно, а ты говоришь, что он хват.

– Ну, я ж за него не в ответе.

– А когда он семьёй обзавёлся?

– Уж девять лет как.

– А до этого?

– Живали у него бабы, но ни одна дольше, чем на год, не задерживалась. Ещё тот бабский угодник был, а как Анну привёз, так мужицкая прыть исчезла. Домовитый стал.

– Не замечалось ли за ним каких-то противоправных дел?

– В столице не замечал, а вот в губерниях не скажу, там он сам себе царём был. За Ионой Фёдоровичем я следом не ездил.

– Гости к нему приезжали за время твоей службы?

– Не бывали, это я знаю в точности.

– Может быть, тайком?

– Мечислав Николаич, поверьте, свой околоток я знал, как свои пять пальцев, – он показал чиновнику для поручений оплетённую синими венами кисть руки. – Пусть тайком, пусть тишком, я бы непременно знал.

– Степан Иванович, ты мне описал не человека, а какого-то ангела небесного. Неужели за ним грешков не водилось?

– Как сказать... – бывший околоточный хитро улыбнулся.

– Так прямо и скажи.

– Когда он в столицу прибыл, то за дом отвалил, не торгуясь.

– Что? Возникло какое-то подозрение?

– Нет, вы же спросили, что было подозрительного, вот оно и возникло тогда. Я хотел проверить, откуда Анциферов приехал, да не до него было. Столько, помню, в тот год всяких разбойников развелось. А околоточный за всё в ответе. У кого-то квартиру ограбили – околоточный виноват, шубе ноги сделали – опять околоточный, топор из сарая тиснули – опять к околоточному идут, а потом ещё с жалобой по начальству ходят. Вот и не довелось мне Иону Фёдоровича проверить, хотя желание такое я тогда имел.

– Откуда он приехал?

– Откуда-то из Тверской губернии.

– Из Тверской? Ошибки нет?

– Точно, из Тверской. До сих пор помню.

– Значит, наш Анциферов чуть ли не ангел во плоти?

– Во плоти, не во плоти, но ни в чём худом за годы моей службы замечен не был.

– Если с ним так, то что с Андреевым?

– С Моисеем Андреевичем? А что с ним?

– Что про него можете поведать?

– Когда я в должность вступил, Моисей Андреевич уже трактир свой содержал. Тогда ещё дом одноэтажным был. Сперва он пристройки построил, а потом в один год снёс старое и на этом же месте возвёл нынешний дом, трёхэтажный. В первом так и осталось заведение, правда, посещать его стало больше людей. Потом приобрёл разрешение на торговлю водкой, вином и пивом. Торговля и ранее неплохой была, а здесь в гору пошла.

– Как Моисей Андреевич зятем обзавёлся?

– Как-как... Это он ныне Михаил Семёныч, а раньше просто Мишка Вихрастый...

– Почему Вихрастый?

– Так больно шустрый был, как вихры на ветру, вот и прозвали его так.

– Здесь, в столице, его так прозвали?

– Нет, его приятель так назвал, когда они сюда прибыли.

– Что за приятель?

– Извините, но ни имени, ни фамилии не помню. Да и ни к чему мне было.

– Где этот приятель сейчас? – спросил наугад Кунцевич.

– Так тогда и уехал, у нас его я больше не видел. А фамилия у Мишки – Висковитов, да вы и так сами знаете, что ж я вам толкую? Появился простым работником. Сперва на подхвате, подай-принеси. Сам Андреев не заметил, как голоштаный к дочке его подкатил. Уж я не знаю, каким манером, но влюбилась девчонка в него, а уж когда позор было не скрыть, Моисей Андреевич отступил. Дочка-то единственная, поздняя. Вот он ей и потакал во всем, старался угодить. И доугождался, итить его в дышло. Свадьбу сыграли не на всю ивановскую, но с размахом. Мишку управляющим сделал. Надо, говорил, чтоб в деле был, соображение к торговле имел. Вот, говорил, помру, чтоб дочь по миру не пошла. А когда дочь-то его родами в мир иной отправилась, так вообще Моисей Андреевич от дел отошёл, внучкой занялся и ни на шаг от неё не отходил.

– Средства Андреев имел?

– Конечно, и немалые.

– Кто о них мог знать?

– Да все в округе.

– Зять откуда появился?

– Не знаю, – честно ответил Степан Иванович, – по паспорту вроде бы со Псковской губернии, но я не проверял.

– А Моисей Андреевич?

– Может, и проверял. Кто ж ныне узнает?

– Так, – Кунцевич глубоко вздохнул. – Какие у них отношения в последнее время были?

– Почём я знаю? – удивился бывший околоточный надзиратель. – Я ж три года как со службы уволился.

– Степан Иванович, – покачал головой Мечислав Николаевич и сощурил левый глаз, – ушли от дел, да всю округу наперечёт знаете, в особенности кто чем дышит и занимается.

– Что правда, то правда, – теперь настала очередь бывшего полицейского тяжело вздохнуть, – между ними чёрная кошка после смерти Марии, дочери Андреева, пробежала, так там и осталась. Вид делали, что в хороших отношениях, а так... Ну, не простил Мишку Моисей Андреич, не простил.

– Значит, заинтересован был Мишка в смерти тестя?

– Ну, не знаю, – старый полицейский не удивился вопросу, – может, и был, но виду не показывал.

Глава 12

Кунцевич раскланивался в дверях со Степаном Ивановичем, когда на лестнице послышались глухие шаги. Бывший околоточный надзиратель проживал во втором этаже.

– Доброго дня, – поздоровался остановившийся на лестничной площадке Лунащук, порядком удивлённый.

Степан Иванович окинул его насмешливым взглядом.

– Из ваших? – спросил он с улыбкой.

– Из ихних, – подтвердил Михаил Александрович и добавил: – И, видимо, по тому же самому вопросу.

– А это, господа, увольте! Я рассказал всё, что знал, поэтому разрешите вас покинуть. Простите, но старику, – он наклонил голову, – пора на покой.

Чиновники для поручений спускались по лестнице плечом к плечу.

– Шустёр ты, Слава, – Лунащук покачал головой, – ой, как шустёр. И когда ты успеваешь дома бывать?

– Волка, Миша, ноги, как известно, кормят. Вот и приходится савраской по городу летать, иначе такие молодцы, как ты, опередят.

– Тебя опередишь, – иронически заметил Лунащук и уже серьёзным тоном поинтересовался: – И что поведал наш ветеран Крымской кампании?

– Что, он на самом деле в Крымскую воевал? – так же серьёзно спросил Кунцевич.

– Честно говоря, не знаю, это я так, к слову.

Мечислав Николаевич улыбнулся и выдержал паузу, подобную той, что держат в театре именитые артисты, многозначительно и пафосно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.